

Кюлемта & Алекс Регул

Максимальное сближение

**Кulema &
Алекс Регул
Максимальное сближение**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22180809

Аннотация

Большое видится на расстоянии. Моя любовь была слишком большой, чтобы её увидел соседский парень. Ему пришлось улететь в Австралию, чтобы осознать и поверить в чувство знакомой с детства соседки. И понять, что лишь глупец бежит от счастья. Но напрасно он полагал, что я буду сидеть у окошка и преданно его ждать! Ред. Костенко Ольга

соавторство

Kuleta & Алекс Регул

Максимальное сближение

"Наши жизни, как орбиты. То мы вместе, то порознь. И тогда я в тоске. Ты в полёте. Пройдёт время, мы пойдём на сближение, встретимся и вновь разбежимся. Жаль, что однажды ты пролетишь мимо меня на бешеной скорости... поскольку не узнаешь. Перегораю я. Истлеваю до полного угасания.

А ты лети, лети моя большая белая птица. Я провожу тебя взглядом. Провожу и буду стараться выжить. Выжить, чтобы ещё хоть раз увидеть тебя на горизонте. Увидеть, как ты летишь в мою сторону. Не ко мне. Просто, в мою сторону".

(из сожжённого письма)

***

– Алло, Юля. Привет. Это Максим. Я сегодня приобрёл сотовый и вот звоню тебе. Так что если возникнет необходимость, звони мне. Это мой номер.

– Здравствуй, Максим. Неожиданно, конечно. Хорошо. Буду знать, что у тебя теперь есть сотовый.

– Юль, расскажи, что вчера произошло?

– Банальная женская истерика.

– А подробностями со мной поделишься?

– Максим... ты только ради этого позвонил?

– Нет. Я хотел пригласить тебя сегодня в кафе.

– У меня совершенно нет желания куда-либо идти.

– Юль, мне нужно с тобой поговорить. У меня к тебе предложение. Просьба. Но это не телефонный разговор.

– Ладно. Говори, где и когда?

– Кафе «Абажур». Восемь вечера.

– До встречи.

Я отложила сотовый и, присев на диван, накрыла ладонями лицо. Как же меня измучил этот голос... и тот, кому он принадлежал.

А вечером в кафе я вновь его услышала:

– Привет.

– Привет, – ответила я и даже улыбнулась.

Он, конечно, не заметил вымученность этого жеста. Это, как рефлекс. Вижу и улыбаюсь. Глупо? Я знаю. Но уже устала с этим уродством бороться.

– Присаживайся. Что для тебя заказать?

– Зелёный чай, – уже присев напротив него, сказала я.

– И десерт, на мой вкус? – а вот он улыбается искренне.

Даже его голубые глаза, мне улыбаются. Мне ли? Просто он приятный воспитанный мужчина, вот и улыбается. Так сказать, улыбается тоже на автопилоте.

– Нет. Только чай. Так, о чем ты хотел поговорить?

– Я хочу тебя попросить об одной услуге, – его взгляд изменился. – Понимаешь, меня Илья пригласил поехать за го-

род на выходные. База отдыха «Мужской каприз». Рыбалка, костерок, шашлычки. И вот я предлагаю тебе поехать со мной. Ты же знаешь мою ситуацию со Светой. А ехать одному не хочется. Буду там, как белая ворона. Один. Все парами, и только я... Поедешь со мной? Мне-то и обратиться больше не к кому.

– То есть ты просишь меня сопровождать тебя? Я правильно поняла? – голос мой дрогнул.

Быть равнодушной не смогла. А так хотелось.

– Да, – в его голосе полнейшее спокойствие.

– Мой ответ – нет. Я не поеду.

– Почему ты отказываешься выручить меня?

– Почему-почему? – я поднялась из-за столика и, посмотрев по сторонам, постаралась выровнять дыхание. – Действительно, почему? Странно, да?

Взглянула ему в глаза и улыбнулась. Теперь искренне улыбнулась. Ведь мне действительно было весело. Смешно. Хотелось смеяться над собой.

И всё же я твёрдым голосом сказала:

– Нет, значит, нет. И мой ответ не изменится.

– Юль, почему? У тебя дела? Я прошу мне помочь, это действительно важная для меня поездка. Там будут все мои друзья.

– Да, да. Для ТЕБЯ это очень важно.

Возможно, он даже не расслышал мои слова, ведь я уже выходила из кафе. Однако уйти сразу не удалось. Максим

догнал на улице и, схватив за руку, развернул к себе.

– Почему? – повторил он.

Пришлось объяснять:

– Ты хотел мною заменить свою Свету. Светы нет, а я всегда где-то рядом. Как удобно. Правда? И ты решил, что я буду прыгать от счастья, получив возможность потереться возле тебя на этом сраном кемпинге? А вот, не хочу я быть временной заменой. Ты ведь не меня приглашаешь за город, ты просто мной заменяешь Свету. Но своим предложением ты меня отрезвил. Представляешь, на меня снизошло озарение! С опозданием, а всё же снизошло. Спасибо. А-то я уже нафантазировала... в очередной раз. Как говорится: «За время пути, собачка смогла подрасти». Всё! Поздравляю! Я, наконец-то, выросла. Прости, прощай. Меня ждут другие отношения. Нормальные.

Выдернув свою руку из хватки Максима, пошла в сторону дома. На душе было тошно и хотелось выть.

Лишь об одном жалела – что не взяла с собою зонт.

Дождик плакал за меня и его слёзы падали крупными тёплыми каплями летнего дождя.

– Стой! Подожди! – слышу вновь голос Максима.

Но не останавливаюсь. Его голос больше не властен надо мной.

Максим меня догнал, преградил путь и снова в меня вцепился.

– Прости, я оплошал. Я не хотел, чтоб всё так вышло. Я

приглашаю ТЕБЯ. Поедем?

– Поздно. Слишком поздно, мой драгоценный старый друг. Прощай.

Осторожно освобождаюсь из мужских рук и по-дружески хлопаю Максима по плечу. Всё. Теперь он уже не будет меня преследовать. Он растерян. Он остался стоять, а я спешно его покидаю. Бегу по мокрому тротуару. И для меня Максим больше не преграда.

На улице темнело. Становилось холодно. А я всё бежала, бежала. По лужам. Под дождём. И не могла остановиться. Мимо дома, мимо соседнего дома. Ноги меня несли прочь. Прочь от Максима. От той болезненной зависимости, в которой была долгие годы. Возможно, всю сознательную жизнь.

И лишь добежав до фонтана, что был в парке, в нескольких кварталах от моего дома, я остановилась. И пока не отдышалась, думала обо всём и ни о чём одновременно. По лицу давно текли слёзы. Они смывались дождём.

Я достала из сумочки телефон, и набрала сообщение:

«Ты мне больше не нужен!»

Больше мне ему нечего сказать.

Через секунду получателю «МАКСИМ» с моего телефона ушло послание.

Ну, вот и всё.

Стою, смотрю, как капли дождя соединяются со струями фонтана, и думаю, какой же наивной дурой была все эти годы. Воспоминания нахлынули, я отогнать их уже не могла.

Теперь я и Максим лишь в прошлом. Я не буду искать с ним встреч. Мои слёзы не будут о нём. И в мечтах его тоже не будет. Нужно лишь время, чтобы забыть весь этот кошмар. Забыть его.

Нельзя, нельзя было столько лет сходить с ума.

Нельзя...

***

Много-много лет назад, когда нам было лет по 18...

Была зима. Мы с Максимом возвращались со дня рождения Ильи, нашего общего друга. Падая снег. Снежинки крупные. Наверное, только в ту ночь были такие крупные снежинки. И вот я шла, смотрела на них и понимала, что время ускользает. Секунды, словно снежинки, пролетают мимо меня и исчезают.

Максим идёт рядом. Да, он пока рядом. И эта близость, это единственное, что есть и было у меня. Ведь он уже давно не тот мальчик, который был для меня словно брат. Но не хотела я теперь воспринимать его, как своего брата. Он был моим соседом. Он был сыном друзей моих родителей. Он был своим в нашем доме. Своим... но не моим. Он дружил с разными девушками. Я же была для него всего лишь соседкой Юлькой. Своя в доску. Он даже иногда делился своими переживаниями. Своими страданиями, эмоциями, которые испытывал к другим девушкам.

Наверное, я с самого детства научилась притворяться, и

скрывать истинные чувства. Максим меня этому научил. Я его подбадривала, а сама потом, спрятавшись в своей комнате, рыдала, уткнувшись в подушку. Максим не понимал, что я уже не просто друг. Я девушка, которая в него влюблена. А он влюблялся в других. А он добивался других. И ведь добивался.

Именно поэтому, так сказать, назло Максиму я отважилась и позволила влюблённому в меня парню воспользоваться моим телом. Я не жалела. Я тогда вообще не понимала, что такое хорошо, что такое плохо. Мне казалось, я права. Я мстила Максиму. Хотя он об этом не знал. Он воспринял эту ситуацию, как должное. Ведь, по его мнению, мы просто хорошие друзья с ним были. И ревности не могло быть. Он встречался с девушками. Я как бы тоже, была не одна. Хотя, кроме того единственного раза в семнадцать лет с Сергеем, у меня не было подобных отношений. А спустя год, когда мы в подвыпившем состоянии возвращались со дня рождения Ильи, меня охватила паника. Максим скоро уйдёт в армию.

Как я буду без него?

Мне казалось, что между нами может ещё что-то получиться, но из-за армии всё пойдёт прахом. Всё против меня. Как же мне ему признаться в своих чувствах? Что мне делать?

– Юль, ты чего такая молчаливая?

– Да, так. Вот думаю, ты в армию уйдёшь...

– Уйду. Уйду-приду. Чего ты переживаешь?

Я не ответила. Зато случайно поскользнулась и упала.

– Эй, мелкая, ты что, совсем бухая? – стоя надо мной, смеялся Максим.

– Я? Я не бухая, – обиделась я.

– Да по тебе же видно! – никак не мог успокоиться он. – Тебя ноги не держат!

– Я всего пару бокалов выпила. Здесь просто скользко, – уже поднявшись, и отряхиваясь, почему-то оправдывалась я.

И отвернувшись от Максима, пошла дальше. Но, не успев сделать и двух шагов, снова поскользнулась и упала. Лежу. Вставать не пытаюсь. А Максим, не отошедший от моего первого падения, снова захохотал. Но всё же, поспешил меня поднять.

А подняв, стал стряхивать с меня снег. Его рука быстро скользила по моей шубке. И это было очень мило. До тех пор пока он не решил стряхнуть снег с моих брюк. Вернее с моей попки.

На секунду мы оба замерли. И уже больше я не слышала его задорный смех. Максим выпрямился, закурил и произнёс серьёзным тоном:

– Возьми меня под руку. Здесь, действительно скользко.

Так я и сделала. И мы пошли дальше.

– О чем задумалась? – не выдержал и спросил он.

– Да про армию твою я всё думаю.

– А что про неё думать?

– Ты будешь мне писать?

– Конечно. Я всем буду писать.

– Хочешь, я буду тебя ждать? – неожиданно спросила я.

Максим задумался, посмотрел на меня внимательно, и тихо сказал:

– Нет. Не надо.

– Почему? – моя растерянность проявилась в голосе.

– За эти два года многое может измениться. И наша жизнь, и мы сами. Не надо, не жди.

Когда он это говорил, мы уже вошли в подъезд и от этого его последние слова эхом полетели куда-то вверх по лестничным маршам.

«Не жди. Жди... Жди...»

Я становилась. Максим вынужден был остановиться тоже.

– Максим, я хочу... – недоговорив, я замолчала и пристально посмотрела ему в глаза.

– Не говори сейчас ничего.

Он опустил взгляд.

– Максим...

Позвала его, но он так и не отважился посмотреть на меня. И тогда потянула его на себя. Легонько. Но этого было достаточно, чтобы он приблизился и коснулся меня.

– Юль, напрасно ты это делаешь. Ведь я не откажусь, а ты потом жалеть будешь.

Посмотрел мне в глаза. А я совсем захмелела.

– Поцелуй меня.

Моя просьба его не удивила. Он не испугался её. И не заставил повторять дважды.

Обнял, прижал к себе и страстно прильнул к моим губам. Я была ошеломлена переменой в нём. Обхватила его руками за шею и утонула в глубине ощущений.

После первого поцелуя, был второй. Третий... десятый. Кто был инициатором очередного поцелуя, уже не замечала. В угаре чувств и ощущений поплыла, словно лодочка по волнам широкой, могучей реки. Я была на пике удовольствий. И не столько интимных, сколько душевных. Мы целовались, обнимались. Мы были как единое целое. Его неожиданная бурная реакция, сделала меня смелее.

Мы опаляли друг друга теплом дыханий. Это были будоражащие ощущения. Его руки скользили по моему телу прикрытому шубкой. Но ему всего этого было мало. Мало меня. Губ моих мало.

И всё же он прервал поцелуй, чтобы прошептать:

– Юль, надо останавливаться.

Мы стояли в полутёмном подъезде и смотрели друг на друга затуманенными взглядами. Дыхания сбитые.

По его взгляду я видела, что на самом деле, и он отступить не хотел.

Движение только вперёд!

Родители наши укатили на совместный отдых к общим друзьям за город. И в ту ночь, ни меня, ни Максима дома никто не ждал. Мы с ним это знали. Знали, но не решались озвучить предложения, возникшие у каждого в голове. Я молчала, он тоже. Шли секунды, они нас отрезвляли. Мне

казалось, отрезвление сейчас нам во вред. А когда я услышала слова Максима, о том, что надо останавливаться, сникла совсем.

– Ты со мной согласна? – тихо спросил он.

Я не ответила. Он меня медленно повёл к лифту. Я слегка отвернулась, чтобы скрыть смущение. Зашли в лифт.

– Ты не хочешь меня? – всё же задала я вопрос, терзавший меня.

Терзавший с шестнадцати лет.

Мне было сложно понять, что происходит, поэтому я искала разъяснения у Максима. Но он молчит. Смотрит на меня и молчит.

Вышли из лифта, пошли в сторону наших квартир. Я принялась искать в сумочке ключи от своей квартиры. Максим тем временем уже открыл дверь в свою квартиру.

Я на него не смотрю. Я всё ещё занята поисками ключей. Неожиданно, мне на талию ложатся руки Максима. Он стоит сзади. Я больше не ищу ключи. Стою в оцепенении. Но вот Максим меня приподнимает и вносит в свою квартиру.

Оказавшись на его территории, я вновь погружаюсь в ласку. Я во власти его поцелуев, объятий. Наши губы, языки ведут неравный бой за главенство. Наши руки пытаются отвоевать новую территорию на телах друг друга.

Мы целуемся и на ходу раздеваемся. Нам нужно дойти до его комнаты, до его кровати. Прилечь на простыни. И нужно нам сюда вдвоём. Одновременно. Чтоб непременно оказать-

ся вместе. Хотели мы в опале страсти и чувств, быть неразлучными, быть едиными, хотя бы этой ночью. Мы даже не услышали, как тихонько хлопнула входная дверь, ограждая нас от всего мира.

В ту ночь, мы почти не разговаривали.

Единственное, отчетливо помню наш диалог, после первого выплеска потребности друг в друге. Мы лежали в постели. Он меня обнимал и, прерываясь на поцелуи, говорил слова, суть которых я осознала лишь многие месяцы спустя:

– Не жди меня, Юлёк. Не жди. Два года – это очень долго. Ты полюбишь другого. И тебе с ним будет хорошо.

– Но как же? Мы же уже любим друг друга. Я буду ждать тебя.

– Мы друг друга не любим. Это просто симпатия, порыв страсти. Называй, как хочешь. Но не любовь.

– Нет, это любовь! Ты сам не понимаешь, что говоришь! Ты просто сам себя обманываешь.

– Юль, ты красивая. Сексуальная. И ты меня хотела. Мне в армию скоро. Ты только не обижайся, но нет между нами любви. Я не смог устоять. Надеюсь, ты не пожалеешь, что позволила мне тебя внести в квартиру.

– А сам ты об этом не пожалеешь? – огрызнулась я.

– Никогда.

Он вновь меня поцеловал. Прижал к себе и глубоко вздохнул. Мы ещё долго так в обнимку лежали. И молчали. Не засыпали. Думали, каждый о своём. Он гладил меня по спине.

Целовал, то в губы, то в шею. Я была в растерянном состоянии. Мне было и радостно, и горько.

Я хотела – я добилась.

Но чего-то другого я хотела. Чего-то другого я добилась.

Максим продолжал диктовать условия. Лишь его желания были приоритетны. Он хотел и он получал. Я была лишь податливым пластилином в его руках. Ведь я была уверена, что создана для него. Он создан для меня. Что его неразумные слова о том, что между нами не любовь, это всего лишь его заблуждение. Его неуверенность в себе, во мне. Что скоро, очень скоро он прозреет и поймёт – я, есть только я.

Я прощу ему заблуждения.

Прошу, что не увидел моих мучений, страданий и жертв. Ведь я его люблю.

– Максим, я тебя...

Он накрыл мой рот своими губами и не позволил мне признаться в своих чувствах. После этого поцелуя был другой. Потом его руки настолько меня возбудили, что думать, тем более разговаривать, я уже не могла. Я принимала его ласку, его страсть и впервые в жизни испытала пик сексуального удовольствия.

***

Прошло пару месяцев с той единственной ночи. Максим больше не оставался со мной наедине. Сейчас я понимаю, он избегал меня. Избегал моих слов, моего взгляда. Он так

и ушел в армию, не поговорив со мной. Я даже не смогла его поцеловать на прощание у автобуса. Наши родители были рядом. Они подбадривали Максима, давали какие-то напутствия. А я стояла, как статуя, и прятала дрожащие руки в карманах. Максим подошел к автобусу, улыбнулся, подмигнул мне на прощание и скрылся.

Дальше всё было, как в тумане.

Полночи прорыдала. Мне казалось, я его потеряла навсегда.

Потеряла... Странно, ведь потерять можно лишь то, что тебе принадлежит. Но Максим мне никогда не принадлежал. Та единственная ночь, она и грела мне душу и надрывала её одновременно.

Было... Но было что? Секс по пьяни? Грубо. Такая формулировка мне не нравилась. И я гнала её прочь из своей головы.

Любви в ту ночь тоже не было. По крайней мере, с его стороны, о любви речи не шло. Напротив, он даже мне запрещал думать, что я его люблю. Почему? Этот вопрос меня тоже тревожил. Но я решила, что свою любовь к нему смогу оградить от всех нападков. От всех обстоятельств. Пусть Максим ещё не видит моих чувств к нему. Но их вижу я. И я не стану их душить.

Любовь во мне крепла, разрасталась. Заполняла все уголки моей души.

Я полностью погрузилась в учёбу и вскоре стала одной

из лучших первокурсниц на экономическом факультете областного университета. Наверное, я во всём, как говорится, в омут с головой. До истощения. Я мало ела и спала, и всю себя тратила на учёбу. Мне было так легче жить. Жить без Максима. Теперь он не встречался мне в подъезде, не приходил в гости и не звонил. Мне его не хватало. Как воздуха высоко-высоко в горах. Я задыхалась. А однажды так и вовсе упала в обморок на занятиях.

Первая мысль, когда меня привели в чувства, была – я беременна!!! Но... это была неправда. Это была просто мысль запаниковавшей девушки. Подруги подсмеивались надо мной. Но тоже понимали, что быть беременной я не могла. Для всех я была зубрилкой. Я не посещала дискотеки. И вообще не дружила с парнями. Даже с парнями-однокурсниками не общалась. Ограничивалась лишь приветствиями. Ребята ко мне не проявляли интерес. Я изначально вела себя с ними сухо. И выстроенную мною субординацию никто из них не пытался нарушить.

И всё же, в тот день, когда я упала в обморок, мне было до боли в сердце обидно, что я не беременна. Конечно, это глупо. Ведь ребёнком я не смогла бы привязать к себе Максима. Но тогда мне казалось, что если бы я родила от него ребёнка, я была бы счастлива. Мне было 18 лет, мне были простительны такие мысли.

Долго я ждала письмо от Максима. Ждала напрасно. Он писал лишь родителям, и то нечасто. Через полгода со дня

его ухода в армию, мне повезло, в руки попало его письмо к родителям. Так я узнала адрес его части. И с того дня начала писать ему письма. Писала понемногу ежедневно. За неделю получалось два-три листа. У меня появилась традиция, каждую субботу относила своё письмо, адресованное Максиму, на почту. И так полтора года. Ни одного письма от него мне не пришло. Единственное, что я эхом получала, так это общий привет моей семье, который Максим передавал (а может, на самом деле, и не передал) через свою маму.

Наши мамы были хорошими подругами. Они сдружились ещё, будучи беременными. Потом почти одновременно их увезли в роддом. А когда мы с Максимом умудрились родиться в один день, с разницей лишь в пару часов (Максим первый) вот тут совсем наши семьи стали не разлей вода.

Но я стеснялась проявить свои чувства к Максиму. Скрывала их от своей мамы. И от мамы Максима тоже. От всех. Даже Максиму о них не писала. Я думала, он вернётся и тогда, посмотрев ему в глаза, всё скажу. И по его глазам всё пойму. Пойму, нужна ли ему? Верит ли он в мои чувства? Не в тягость ли я ему?

Больше всего я боялась обременить его. Ведь он для меня был словно большая белая птица, которая может лететь, куда пожелает. Я готова была ждать его. Ждать безропотно. Конечно, я мечтала, что однажды он прилетит и заберёт меня с собой в мир, где мы совьём наше уютное гнездо и будем счастливы. Но... Мечты, мечты...

Прошло два года. Я исправно училась, Максим служил.

Он дослужился до старшего сержанта и весной должен был вернуться.

Должен... Как оказалось, никому он ничего не должен. Он в очередной раз поступил так, как желал сам. А желал он продолжить службу. Уже по контракту. Уже на других условиях. Но служить. Возможно, отучиться в каком-нибудь военном учебном заведении и посвятить себя защите Родины.

Благородно...

Я от его мамы об этом случайно узнала, когда она всё это рассказывала моей маме, сидя на кухне. Сначала не поверила. Подсела к ним за стол и переспросила. Мама Максима, тётя Тома, мне подробно пересказала письмо от сына. Я потом ещё долго думала, над её словами. Она была расстроена. Горда за сына, но расстроена. Отец Максима, Иван Матвеевич Руднёв, не проявлял своих эмоций. Он был человек очень сдержанный. И по его поведению, скупым словам, невозможно было понять, рад он на самом деле или, так же как и я, в шоке.

Но однозначно, новость о планах Максима на дальнейшую жизнь, была потрясением для семьи, как Максима, так и моей. Что я испытала за те дни, невозможно описать. Мне казалось, меня предали. Разрушили очередные надежды. Выбили почву из-под ног. Я не ела, не спала. Писала Максиму письма. Только их уже не относила на почту. Я их сжигала. Писала по ночам, а утром перечитывала и сжигала.

Мои родители, почувствовав палёный запах в моёй комнате, стали подозревать, что я начала курить. И тогда мне пришлось сжигать письма далеко от дома. Их я не хранила, они были слишком эмоциональными. В них была злость, отчаянье, горечь. И нежность, которая заставляла меня жить и не опускать руки.

Максиму с тех пор не отсылала писем. Он должен был вскоре приехать в отпуск. Приехать, чтобы уехать на неопределённый срок. Мне казалось, уехать навсегда.

Вообще в юности всё кажется фатальным.

Навсегда. Никогда. Нам кажется, мы властны или наоборот абсолютно не властны над временем, обстоятельствами. Юность – удел максималистов! Я была не исключением.

Думала, в этот раз он уедет НАВСЕГДА, и я НИКОГДА его больше не увижу.

«Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду» – из оперы «Юнона и Авось». Слушаю и плачу. Голос Караченцова до сих пор вызывает дрожь во мне. А ведь, сколько лет прошло...

***

Максим приехал в отпуск. Так сказать, на побывку.

Я когда об этом узнала...

Ничего я не сделала. Два года его ждала из армии, а в последний момент дрогнула.

Вечером нас пригласили к Руднёвым. Идти туда я боялась.

И всё же пошла. Максим открыл нам дверь. Мои родители, его как родного обняли, поцеловали, принялись что-то с порога расспрашивать. Я замешкалась, так и не решаясь войти.

– Юль, ну, ты где? – крикнула мне мама, уже входя на кухню.

– Иду, иду, – заверила я, а сама стала отступать от квартиры Руднёвых.

Я увидела возмужавшего, похорошевшего Максима, и мне стало не по себе. Вот о чём он меня предупреждал. Два года. Это действительно много, когда не видишь человека. Перемены в нём меня потрясли. Он стал ещё лучше. Еще красивее.

А я?

Хотелось забиться в шкаф и не показываться ему на глаза.

– Ты куда? – услышала его голос, находясь на лестничной площадке.

– А... я...

– Забыла что-то?

– Ага.

Не оборачиваясь в его сторону, дрожащими руками отмыкала дверь в свою квартиру. Дверь поддавалась моему натиску, и я буквально влетела домой. Заскочила в ванную комнату и принялась умываться. Жар обдавал меня изнутри.

Находясь в этом угаре, не заметила, как дверь в ванную комнату тихонько приоткрылась, и Максим рукой легонько коснулся моей спины.

– С тобой всё в порядке? – спросил он.

От испуга я резко дёрнулась и шибанула его по носу ладонью. Он взвыл и накрыл лицо руками.

– Ой, прости! Прости, пожалуйста, – запричитала я и принялась лихорадочно вспоминать, что нужно делать при травме переносицы.

– Не суетись! – скомандовал Максим и подвинул меня в сторону.

Открыл холодную воду и стал умываться. Он почти вжал меня в стену. Вернее, я сама туда вжалась. Отвернулась и затаила дыхание.

– Юль, ты боишься меня?

– Нет, – поспешно ответила я и опустила глаза.

– Тогда почему так странно себя ведёшь?

Он закрыл воду и теперь стоял прямо напротив меня.

– Мне в глаз соринка попала, и я вернулась домой, чтобы глаз промыть, – сочиняла я.

– Неужели? То забыла что-то, теперь в глаз соринка попала?

Я промычала. А он положил руки мне на плечи.

– Ну, привет, что ли? – спрашивает, а сам улыбается.

И голос такой мягкий-мягкий.

– Привет.

Робко посмотрела в его глаза. По моим щекам против воли потекли слёзы. Макс прижал к себе и стал гладить меня по спине.

– Юлька, Юлька... я думал ты... А ты.

А я, уткнувшись в его рубашку, пуще прежнего разрыдалась.

– Юль, – прошептал он, – Перестань. Ну, чего ты?

Когда мои всхлипывания затихли, отважилась спросить:

– Ты скоро опять уедешь?

– Да.

– Надолго?

– Да.

– А как же... – я не решилась спросить.

– Ты? – Максим прекрасно понял, о чём я хочу спросить.

А я вновь зарыдала.

Есть «я», есть «он». Но нет никаких – «мы». И это осознавать мне было больно.

– Тише, тише, – принялся успокаивать меня Максим. – Юль, перестань.

– Не могу, – искренне призналась я.

Он приподнял мой подбородок и заглянул в глаза. Вид у меня, наверное, был жутким, поскольку Максим снял первое попавшееся полотенце с крючка, и принялся им вытирать моё лицо.

– Юлька-шпулька! – вспомнил он моё детское прозвище, которое сам же и придумал. – Немедленно прекращай рыдать. Иначе накажу!

– Ты меня уже и так наказал.

– Юль... – он понял, о чем я, но оправдываться не стал.

Провёл ладонью по моей щеке и...

И я его поцеловала.

– Может не надо этого делать? – спрашивает, а сам продолжает касаться моего лица своей ладонью.

– Может и не надо... а хочется.

Едва успела я это сказать, как его губы натиском загладевают моими губами. Этот поцелуй я никогда не забуду. Столько страсти и возбуждения можно передать через поцелуй, только если его ждёшь два года. Два года... Немыслимо. Но я тогда ещё просто не знала, что следующего поцелуя мне ждать гораздо дольше.

– Юль, прошу, только не рви мне душу. Давай не будем ничего друг от друга ждать? Прошу.

Я согласилась. Я тогда вообще могла согласиться на что угодно. Ведь он меня обнимал и тихо шептал почти в самое ушко:

– Ты стала ещё красивее. И соблазнительней.

Соблазнительней... На тот момент, я не умела и не думала его соблазнять на большее. После головокружительного каскада поцелуев, мы вышли из ванной комнаты, и отправились в соседнюю квартиру, где нас ждали родители.

Вечер прошёл в весёлой, радостной атмосфере. Я ждала его слов, ловила его жесты. Я привыкала к нему. Он сидел напротив и волей-неволей поглядывал на меня. И приятно улыбался. А я ему.

Но наступил вечер. Мы ушли. Все понимали, что Макси-

му необходимо отдохнуть, выспаться.

А на следующий день меня ждало новое потрясение. Он уехал. Вот так просто взял и уехал, ничего мне не сказав.

– Тёть Том, но как же так? Он же только вчера приехал?

– Да, Юль. Представляешь, а сегодня рано утром подорвался, сказал, что поедет к Игорю, а от него к Павлу и ещё кому-то из друзей. Короче, сказал, поезд через три дня, ему всех нужно повидать.

– Он хоть домой сегодня вернётся?

– Сказал, что если не сможет вернуться, позвонит, предупредит. Пока не звонит. Мы с отцом пока ждём.

– Балбес! – выругался мой отец и вышел из кухни.

Мама и тетя Тома переглянулись и продолжили пить чай. А я ещё долго стояла у окна и вглядывалась в прохожих. Но Максим в тот вечер так не вернулся.

Утром я ушла на занятия, и возвращаться домой не спешила.

Зачем? Навязываться?

Не нужна, так не нужна.

Проживу как-нибудь и без него.

Через три дня он уехал. Я его не провожала. Я вообще не знала, и знать не хотела, когда его поезд отойдёт от перрона.

***

А через год я узнала, что он женился. С того самого дня я запретила себе о нём даже думать.

Любовь ли всё это?

Наверное, Максим был прав. Это всего лишь юношеское увлечение. Детские игры.

Я благополучно доучилась и устроилась на работу. В личном плане уже не держалась за иллюзорную мечту о Максиме. И начала встречаться с Мишей. Он проходил практику в банке, в котором работала я. Миша был серьёзным, тихим. Симпатичным. Но...

Через полгода наши с ним отношения сошли на «нет». И вот тут на горизонте замаячил мой первый мужчина. Нет, не Максим. Сергей.

Сначала я его даже не узнала. Он вышел из машины и преградил мне путь.

– Юля! Ты ли это?

– Сергей? – удивлённо на него посмотрела и постаралась улыбнуться.

Дело в том, что воспоминания не позволили мне кинуться к нему в объятия, или наоборот проигнорировать встречу. Я была смущена. Мне 23 года, а я краснею, глядя на своего первого мужчину, с которым был один единственный... контакт. Шестилетней давности.

– Глазам не верю, Юленька! Какая ты красивая! Ещё краше, чем прежде. Хотя я думал, это невозможно, – Сергей поцеловал меня в щеку. – Как твои дела? Ты хотя бы обо мне вспоминала?

Правду ему не стала я говорить. Чего расстраивать? Вид-

но же по его обалдевшему лицу, что он рад меня видеть.

– Иногда, – я продолжала глупо улыбаться.

Вот так в моей жизни опять появился Сергей. Мы обменялись номерами телефонов, он проводил меня до подъезда и вскоре стал названивать. Не сразу наши отношения переросли во что-то понятное.

Вначале Сергей меня раздражал. Я краснела и бледнела. И на его звонки не отвечала. Но он был настойчив. По утрам поджидал меня на выходе из подъезда и подвозил на работу.

Его ненавязчивость меня приучила к тому, что он где-то поблизости. Достаточно было одного звонка или СМС-ки и он появлялся на пороге банка, в котором я работала. Дождь, снег, в любое время года я могла рассчитывать, что он придет, чтобы отвезти меня домой. А по утрам он как по заказу ждал у подъезда. Заказа, как такового, не было. Но он ждал. И чтобы не заострять внимание соседей и моих родителей, которые довольно быстро рассекретили моего кавалера, я соглашалась на предложения Сергея меня подвезти.

Его черный «БМВ», был словно хищная рыба. Он вызывал тихий ропот соседей у меня за спиной. Сам Сергей был старше меня лет на пять. Работал он на центральном рынке. Кем? Я точно не знала. Но при нём всегда было оружие. И правила дорожного движения он не боялся нарушать. На лобовом стекле его машины красовался заламинированный пропуск с триколором поперёк. Я как-то присмотрелась к этому пропуску, но понять ничего не смогла.

«Пропуск на территорию «ООО Бастион»

Позже поспрашивала на работе об этом «Бастионе», но толком мне никто ничего не сказал. Единственное, что меня насторожило, это реакция Миши, с которым у нас так и не сложились отношения.

– Юль, ты, пожалуйста, будь осторожнее. ООО «Бастион» – это не охранный фирма. А совсем наоборот.

– Что ты имеешь в виду?

– Да, так, – больше Миша ничего не сказал.

Сергей меня не торопил. В отличие от событий шестилетней давности, не склонял и не соблазнял к интиму. Он вообще не искал поводов ко мне прикоснуться. Меня это устраивало. Позже он напросился ко мне в гости и познакомился с моими родителями.

Маме он понравился. По крайней мере, она была рада, что я привела в дом молодого человека. Папа же его охарактеризовал, как «мутный».

– Почему мутный? – удивлённо спросила я у отца, и посмотрела в окно.

Сергей уже подходил к своей машине и снимал её с сигнализации.

– Не знаю, как тебе объяснить – закурил отец и положил мне руку на плечо. Теперь мы вдвоём стояли у окна и смотрели, как машина Сергея отъезжает от подъезда. – Мутный он.

– Тебе все не такие! – возмутилась мама и принялась уби-

рать со стола. – Юлька впервые в дом парня привела, а ты нос воротишь!

– Тебе он нравится? – спросил отец у меня, игнорируя слова мамы.

– Не знаю, как тебе объяснить, – передразнила я отца и посмотрела в его голубые глаза. Именно такие, небесно-голубые глаза и у меня.

– Ох, Юлька! – отец был серьёзен, как никогда. – Ну, смотри, тебе решать. Этот – значит этот.

– Так ведь, других-то нет! – опять возмутилась мама и со звоном опустила посуду в раковину.

Да, других не было...

Говорят, время лечит. У меня вопрос, а сколько требуется времени, чтобы вылечиться? Сердце, что-то не верит во все эти методики лечения, основанные на сроке давности нанесения раны.

Я не спрашивала у тети Томи, как поживает Максим. Женился и женился. Чего уж тут ворошить свою душу. Живет с женой, значит всё у него нормально. Детей родят, и всё у них будет ещё лучше.

***

– Юленька, ты в последнее время какая-то подавленная. Случилось что-то? – спросил Сергей, подруливая к моему дому.

– Нет. Всё нормально.

– Я тебе не верю... Тебе плохо?

– Да.

– А почему говоришь «нормально»?

– Потому что для меня это уже нормально.

Он притормозил у обочины, посмотрел на меня и, не говоря ни слова, развернул машину в другую сторону. Я не спрашивала, куда он меня везёт. Мне было всё равно. Родители знают, что Сергей меня привезёт с работы домой. Его телефонный номер у родителей с недавних пор есть, и в случае чего, они позвонят, или мне, или ему.

Мы подъехали к высотке, что была недавно выстроена на окраине города, и припарковались у первого подъезда. Сергей вышел из машины, помог выйти мне и повел в сторону дома.

– Куда ты меня привёз? – поинтересовалась я.

– В этом доме я недавно купил квартиру.

Вошли в лифт.

– Ты хочешь мне показать, где живёшь?

– Юленька, я пока здесь не живу. Идёт ремонт. Но я хотел бы спросить твоего совета.

Вышли из лифта, вошли в его квартиру, и он провёл небольшую экскурсию по трёхкомнатной квартире, в которой заканчивался шикарный ремонт.

– Хорошая у тебя квартира.

– Тебе правда нравится? – зачем-то уточнил он.

– Да. Только понять не могу, какой тебе был нужен совет

от меня? В строительстве я полный ноль. В дизайнерских уловках тоже.

– А в сердечных делах?

Он прикоснулся к моему плечу.

– В сердечных? – переспросила я и повернулась к нему лицом. – В сердечных делах я понимаю ещё меньше, чем в строительстве.

Услышав эти слова, Сергей робко обнял меня и притянул к себе.

– Юленька, выходи за меня замуж.

– Как это? – растерялась я, зачем-то зажмурилась и накрыла ладонью глаза.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

– А ты разве меня любишь?

– Люблю.

– Серёж, а что такое, по-твоему, любовь? – я посмотрела ему в глаза.

– Это когда думаешь постоянно о любимом человеке. И готов ради него на любые поступки и жертвы.

– И ты готов ради меня совершать поступки и идти на жертвы?

– Готов.

– Спасибо... Мне именно этого и не хватало в жизни.

Улыбнулась и коснулась его щеки, на которой была трёхдневная щетина. Вообще Сергей был симпатичным мужчиной, крепкого телосложения. Широкий в плечах. Глаза се-

рые. Стрижка короткая. Очень короткая. От него всегда хорошо пахло. Он практически не курил. Вёл здоровый образ жизни. Крайне редко выпивал. Одевался хорошо. Его гардероб состоял из темных классических костюмов и таких же тёмных рубашек. Когда было прохладно, он носил чёрное пальто. И непременно туфли. Начищенная дорогая обувь. Но больше всего меня будоражил его голос. Низкий. Немного надорванный, с хрипотцой.

Через месяц мы поженились. Я переехала в его новую квартиру и жизнь у нас постепенно наладилась.

Сергей думал, что я никогда и не с кем кроме него самого не была в близких интимных отношениях. Отчасти он был прав. Ведь до свадьбы у меня был только он и единственная ночь с Максимом, о которой я старалась забыть. Сергей был сносным мужем. В постели ко мне относился бережно. Позволял привыкнуть к нему. Я привыкала. Привыкала долго. Он это чувствовал, но не давил на меня. Жили мы относительно хорошо. Всё у нас было. Никогда не голодали. Никогда не знали проблем с деньгами. Единственное, что меня настораживало, Сергей не приводил в дом друзей, коллег и вообще кого бы то ни было. Его родители жили в Ростовской области. Я их видела крайне редко. Но Сергея это устраивало, а значит, и меня тоже должно было устраивать.

Мы прожили с ним недолго. Три года. Потом он внезапно засобиравшись в командировку и предложил поехать с ним. Я не понимала, к чему такая спешка и вообще такая необходи-

мость. Поэтому попыталась понять, что происходит.

– Юленька, милая, у меня мало времени. Выехать нужно сегодня. Решайся ты со мной или нет.

– Серёж, ты пойми, я так не могу. У меня работа. Тем более мама приболела. Я не могу всё бросить и уехать с тобой. К тому же ты не говоришь, куда и на какой период твоя командировка?

– Не могу тебе сейчас всего рассказать. Выбирай со мной или остаёшься?

– Но ты же вернёшься? – я была растеряна и расстроена его поведением. Предчувствие душило.

– Юленька, что за глупости. Конечно, вернусь. Только, не знаю когда.

– Я буду тебя ждать. Звони мне.

Он обнял, поцеловал. И вручил большой конверт.

– В этом конверте документы на квартиру. И пластиковая карточка. На ней деньги. Их немного, но до моего возвращения хватит. Ты девочка скромная, поэтому я знаю, что тебе денег хватит... Что-то ещё хотел тебе сказать... – задумался он и посмотрел мне в глаза. – Милая моя, любимая девочка, мне с тобою было хорошо. Вернусь, будет ещё лучше.

Я заплакала. Не хотела его отпускать. Ведь он был тем единственным мужчиной, который меня добивался и не отступал перед трудностями. Конечно, я его любила не так сильно, как Максима в юности, но я точно знала, Сергей меня любит. По крайней мере, мне было приятно так думать,

когда выходила за него замуж.

И вот он вышел из квартиры. Махнул на прощание рукой и зашел в лифт. Дверцы лифта закрылись.

Больше я Сергея не увидела.

Через три дня мне сообщили, что его машину нашли под Брянском. Машина была, то ли взорвана, то ли умышленно подожжена. В салоне были найдены обгоревшие тела. Кто были эти люди, экспертиза не смогла сразу установить. Уголовное дело затянулось.

Я долго обивала пороги органов правосудия. Всё тщетно. Прокуратура. Следственный комитет. Никому не было интересно слушать меня.

А однажды, когда я сидела на остановке, ко мне подошёл незнакомый мужчина и, не говоря ни слова, положил мне на колени конверт. И быстро ушел. Я растерялась, но всё же, заглянула вовнутрь конверта. Там лежало фото Сергея. А на обратной стороне снимка написанный Сергеем текст небольшого письма:

«Девочка моя!

Прости, что всё так вышло. Я не мог остаться, ты не могла уехать со мной. И хотя я сейчас далеко, я думаю о тебе. Будет возможность, вернусь. Ждать меня не прошу. Хотя бы просто не поминай лихим словом.

Береги себя. И прости меня за то, что сейчас не с тобой.

Сергей.

Дата. Подпись».

Я ещё раз посмотрела на дату и обомлела. Три дня назад! Значит, он жив! Жив!

Однако по всем документам... я имела полное право на соболезнования и утешения. Но я не стала говорить родителям о сложившейся ситуации с Сергеем. Купила красивую рамку, вставила туда фото и повесила на стену в зале нашей квартиры. Я знала, что Сергей жив. Пусть не со мной, но жив. Он не бросил меня. Он просто не может вернуться. Из-за чего именно не может вернуться, я догадывалась. У Сергея была нехорошая работа. И он действительно занимался не охраной. Вернее охраной от самих себя. Рэкет. Мощный рэкет торговых точек.

Но самое удивительное, я не ждала возвращения Сергея. Он стал для меня бронёй от всего мира. От ошибок и потрясений. Я не искала ласки или новых романтических отношений. Перегорела я в делах сердечных.

Я перестала что-либо понимать в любви между мужчиной и женщиной. Да и существует ли она вообще? Симпатия, порыв страсти. Как там еще называл эти чувства Максим? Уже и не вспомню. Ничего не помню. События последних месяцев затуманили всё то, что было лишь несколько лет назад. Но зато я окончательно выздоровела от чувств к Максиму.

Именно так я думала до тех пор, пока не умер его отец.

***

Инфаркт. Ночью во сне.

Тетя Тома сразу же позвонила мне. Родители мои тогда были за границей. Буквально за неделю до этих трагических событий, меня угораздило купить путёвку в Чехию на двоих. Я сделала подарок родителям и вот теперь была единственным человеком, который мог помочь маме Максима.

Сам Максим год как жил в Австралии и прибыть в скором времени не мог.

– Как, в Австралии? – удивлённо переспросила я у тётки Тома.

– А ты не знала?

– Нет.

Мы сидели на кухне в квартире Руднёвых. Отца Максима накануне увезли в морг. Тетя Тома из последних сил держалась. Она уже не плакала. В ней было столько успокоительных средств, что она делала большие паузы между слов. Но идти прилечь она отказывалась. Просила только не оставлять её одну.

Я позвонила на работу и взяла пару дней отгулов за свой счет. Как раз до момента возвращения моих родителей, которые прервали путешествие и спешили домой, поддержать тётку Тому.

– Максим больше не носит на своих плечах погоны, – продолжила тётка Тома рассказывать мне про сына. – Он попал под сокращение. Ещё год назад. Именно тогда он, по совету своего друга Павла, поехал в Австралию. Устроился там на хорошую работу.

– Да, что ж ему здесь, что ли работы не было!? – невольно возмутилась я.

– Вот и Иван так же говорил. Обижался, что сыну отчий дом опостылел...

Она заплакала, а я мысленно стала себя ругать, что невольно напомнила о дяде Ване.

– Тетя Тома, прошу, не плачьте.

Но она меня уже не слышала.

Через час, так и не успокоив тётю Тому, я вызвала скорую. Её увезли в неврологию.

Я просила оставить её дома. Уколоть успокоительное, но непременно оставить дома. Медики были категоричны – госпитализация. Единственное, я успела узнать, что тётя Тома уже позвонила сыну в Австралию. Максим должен был приехать приблизительно в то же самое время, что и мои родители. Я осталась их ждать.

Первым приехал Максим. Сначала я даже не узнала его. И дело не столько в его небритости, сколько в худобе и серости лица.

– Мама! Мама, я приехал! – кричал он, входя в квартиру.

Я выскочила из кухни, где наводила порядок.

– Максим, она в третьей больнице. В неврологии лежит. Дай мне пару минут, я поеду с тобой.

Мы поехали сначала в больницу к его маме, потом в морг договариваться на счет всех необходимых процедур. Потом заехали на кладбище, переговорили со смотрителем.

Максим держался хорошо. Лишь на обратном пути, он заснул в такси. Мы сидели вдвоем сзади. Он неожиданно зачих, а когда я почувствовала его голову у себя на плече, то не стала его будить. Так и доехали до дома.

Проводила его до квартиры, накормила и ушла к себе. Думала, он сразу же уснёт. Но он не уснул.

Через час позвонил в дверь квартиры моих родителей, где до возвращения мамы и папы, решила побыть я.

– Максим?

Я еще не спала, но уже готовилась ко сну. И его визит меня удивил. Запахнула халат плотнее и пропустила нежданного гостя в квартиру:

– Проходи, не стой на пороге.

– Юль, можно я сегодня у тебя переночую?

По запаху я поняла, он выпил. Но выглядел при этом совершенно трезвым.

– Конечно, можно. Пойдем, я тебе в спальне родителей постелю.

Прикрыла дверь в квартиру и проводила Максима в комнату родителей. Разговаривать не хотелось. Слишком не к месту были все эти разговоры сейчас. Наверное, кому-то и нужно в таких ситуациях изливать душу. Задавать риторические вопросы: Почему? Как же так? Я ведь с ним даже не попрощался...

Наверное, всё это имеет место быть. Наверное...

Но иногда тишина бывает дороже сотни слов.

– Максим, хочешь я с тобой выпью?

– Хочу.

Сходила на кухню. Приготовила закуску. Выбрала самый хороший коньяк из папиных запасов и вернулась к Максиму. Он сидел в кресле в той же позе. Свет от торшера едва освещал комнату. Но даже этого света было достаточно, чтобы увидеть всю ту боль, что была сейчас в Максиме.

Налила полные бокалы, которые обычно используют для виски. Вручила один Максиму. Выпили не чокаясь. Не говоря, каких либо слов. Я подлила ему ещё. Он выпил. Пил до дна. Но не пьянел.

– Ложись спать, – тихо попросила я.

Максим растерянно посмотрел на меня и поднялся с кресла. Я взяла его под руку и повела в сторону кровати. Уложила. Сняла с него обувь и укрыла одеялом. Он был в халате. Что под халатом, я не знала. Но посчитала, что всё равно его нужно укрыть, чтобы не продрог.

Потянулась рукой к выключателю торшера.

– Свет выключить? – всё же спросила я.

– Не надо. Пусть будет.

– Хорошо. Как скажешь. Спи. У тебя завтра сложный день.

– Он у меня и сегодня был непростым. И вчера тоже.

– Я знаю, Макс. Я знаю. Мне тоже очень плохо. Я... любила твоего отца.

Тихо заплакала.

Не хотела я еще больше расстраивать Максима своими слезами и поспешила отвернуться. Но голос мой уже дрогнул и Максим услышал мою боль.

– Не уходи, – тихо попросил он и взял меня за руку. – Посиди со мной. Пожалуйста.

Я осталась. Присела на кровать и оказалась к Максиму так близко, как не мечтала даже в ушедшей юности.

– Я побуду с тобой. А ты постарайся заснуть. Тебе это нужно.

– Спасибо, – он уткнулся в меня, как ребёнок.

Невольно моя рука коснулась его головы. Провела по светлым волосам, успокаивая, как его, так и себя. Но слёзы уже давно прорвали плотину и теперь скатывались по моим щекам беспрерывно.

– Юлька, Юлька, что же я наделал?

– Тише, тише, – шепчу, а сама продолжаю гладить его по голове. – Тебе нужно отдохнуть. Все разговоры потом. Потом, не сегодня.

– Угу.

Прошла минута, две, я уже подумала, он уснул. А он и не собирался.

– Юль, а ты теперь замужем? Да?

Теперь я сказала:

– Угу.

– За Сергеем?

– Откуда знаешь? Мама сказала?

– Она. Я даже знаю, когда именно у тебя была свадьба. Мне мама фотографии высылала. Ты очень красивая была в свадебном платье.

– Да, я и без свадебного платья красивая, – сморозила глупость я. – В смысле, я и в другой одежде выгляжу так же.

Максим стащил меня ниже по кровати, и теперь я не сидела, а лежала вдоль него самого.

– Юль, я ты, правда, меня тогда любила?

– Тогда да. Спи Максим. Спи.

– А сейчас ты любишь Серёгу?

– А сейчас я лежу с тобой в постели моих родителей и пытаюсь усыпить пьяного тебя.

– Юль, можно я тебя поцелую. Хотя бы один раз.

– И сразу же уснёшь?

Он не стал больше тратить время на слова. Не стал добиваться моего разрешения, согласия. Вжал меня в постель и принялся целовать. Сколько было поцелуев, не помню. Вначале я очень растерялась. Не ожидала, что поцелуи будут настолько голодными и страстными. Я не отвечала. Лишь позволяла Максиму насытиться и уснуть. Но руки его, забрались мне под халат и заскользили по моему телу.

– Максим... – умудрилась сквозь потрясение от этой неожиданной ласки, произнести я. – Максим, прошу, остановись. Ты будешь об этом жалеть.

– А ты?

Я не хотела об этом говорить.

– Максим, прошу, перестань. Поспи хоть немного.

– А ты будешь рядом?

– Конечно, буду. Ты только ручки свои угомони, пока мы глупостей не наделали.

Его руки больше меня не раздевали. Но и не отступали с завоёванной территории. Он затих. А вместе с ним и я. Мы оба вымотались за эти дни. И нам не хватало тепла. Почувствовав тепло друг в друге, конечно, сложно было устоять. Но он женат. Я как бы тоже. Незадолго до этих событий, я получила результаты экспертизы, согласно которой в сгоревшей машине «БМВ» были найдены всё же останки Сергея. Как такое могло произойти, я доподлинно не знала. Но понимала, Сергей хорошо заметал следы своего побега. Официально теперь его нет среди живых. Он обрубил нити прошлой жизни. Меня и своих родителей он скрыл от тех от кого был вынужден бежать.

Теперь-то я понимала, почему в нашем доме не было его «коллег», друзей и близких. Он прятал меня от них. Возможно, что никто не знал, что я его жена. Что касается его родителей, то их я видела лишь на свадьбе, потом ещё один раз, когда Сергей меня к ним возил в гости. И даже тогда он был очень скуп на слова.

И вот, будучи официально вдовой, я не являлась ею по сути. О том, что машина Сергея, найдена в Брянских лесах, не говорила своим родителям. Не хотела на них нагонять страх. Не знаю, как в обычных, нормальных семьях, а я хотела огра-

дить маму и отца от потрясений. Я умолчала. В конце концов, когда Сергей вернётся, все эти переживания уже не будут иметь никакого значения. Поэтому сейчас, лёжа с Максимом в одной постели, я не хотела подвергать расшатыванию наши устоявшиеся жизни. Не нужно было усугублять ситуацию. Я была трезвее, поэтому именно я и притормозила коней. Позже себе ругала и хвалила за это. Соблазн был велик... Но обстоятельства непреодолимы. Нельзя было поступить иначе. Нельзя.

***

Максим уехал сразу после похорон. Наверное, он пытался поговорить со мной, но было слишком много людей. Он лишь беззвучно обнял меня на прощание и долго не выпускал из своих рук. Не стала я его провожать дальше лестничной площадки. Долгие проводы – лишние слёзы. Моя мама заверила его, что тётя Тома в надёжных руках. И что наша семья будет оберегать её.

Он уехал. Я вернулась к родителям. Сказала, что командировка у Сергея продлилась на неопределённый срок и поселилась в своей старой доброй комнатке, окна которой выходили на школьный стадион.

Я часто навещала тётю Тому. Иногда мы с ней подолгу засиживались, распивая чай. Я не спрашивала, как дела у Максима, она сама мне от случая к случаю об этом говорила. Так я узнала, что он хочет вернуться домой.

– Это очень хорошо, – с полным отсутствием радостных эмоций произнесла я.

В сердце моём кольнуло. Я точно знала, что не смогу видеть, как он с женой будет жить поблизости. Уж лучше в Австралии, но не за стенкой. Хорошо, что у меня есть, где жить. Нужно будет до возвращения Максима вернуться в свою квартиру. Иначе, это будет форменное издевательство над собой.

– Конечно, я жду возвращение сына, – сделав глоток чая, продолжила тётя Тома. – Да только не всё так просто.

Она посмотрела мне в глаза. А я аж устыдилась, сама не знаю чего.

– Вы о чём? – все же спросила у неё.

– Юленька, – нежно обратилась тётя Тома, – ты меня, дуру старую, прости, если обижу, но не могу я забыть, как вы с Максимом смотрели друг на друга.

Смутилась я.

– Тётя Том, но мы же, с ним с самого детства, как брат с сестрой. Конечно, он мне очень дорог, но уверяю, Вам не о чем переживать. У каждого из нас своя семья. И рушить их мы не собираемся.

– Вот это-то и плохо, – тихо сказала она и встала из-за стола, оставив меня в совершенно растерянном состоянии.

***

Через три дня я покинула отчий дом и вернулась к себе на

квартиру. Теперь я не навещала так часто маму Максима, как раньше. Она больше не заводи́ла речь обо мне и своём сыне в том контексте, от которого у меня едва ноги не подкосились, когда она лишь намекнула о том, что я всеми силами душила.

Максим вернулся не сразу. Лишь через полтора года после смерти отца.

К этому времени я совсем перестала ждать, как Максима, так и Сергея. В моей жизни вновь появился Миша. Теперь он был не просто практикант, теперь он программист в нашем банке. Причём хороший программист.

Наверное, я очень сложная и странная женщина, поскольку мужчины, которые возникают в моей жизни, не с первого раза понимают, нужна я им или нет. Вот и с Мишей так же. Он долго не решался, а потом начал за мной деликатно ухаживать. Очень деликатно. Вначале я подумала, что это он лишь в силу своей внутренней интеллигентности так учтив и осмотрителен на работе со мною. Но позже оказалось всё гораздо серьёзней.

– Юля, позволь я тебя доведу́ домой. Сегодня сильный ветер. А на тебе лёгкое пальто.

– Это очень мило с твоей стороны, Миша, что ты заметил моё плохо утеплённое тельце. И хочешь позаботиться о нём.

Миша открыл дверцу своей машины. Я присела. Он стойко проигнорировал хихиканье коллег, обошел машину и, не говоря им ни слова, присел на водительское сидение.

– Юля, только я не знаю, куда тебя везти – выехав с пар-

ковки, растерянно признался Миша. – Адрес скажи.

А меня, как прорвало, молоть чушь и вгонять парня в краску.

– А ты вези меня сразу к себе домой.

Я-то думала, он педали попутает от моей наглости, а он перестроил машину в другой ряд и стал белее уверенно её гнать по улицам города.

Я молчу, он молчит.

Тут испугалась уже я. Он меня действительно повёз к себе домой. Отступать было поздно. К тому же, если честно, не хотелось и в эту ночь быть не нужной мужчине.

Сергей, который год мне весточки не подавал. О Максе вообще говорить не хочу. Чужой муж. Я такого к себе не подпущу. А тут – вот это недоразумение... Миша, как узнал от коллег с гибкими языками, что я живу без мужа, так и начал мудрёными способами добиваться меня. Почти год его стараний, и вот я еду в его машине. Конечно, не он тому виной. Я сама устала, что за моей спиной шепчутся и судачат. Ладно, коллеги, им просто скучно на работе. Но дома... Родители уже давно поняли, что с Сергеем что-то не так. Моя легенда относительно длительной командировки их перестала устраивать через пару месяцев после того, как я узнала о печальной судьбе «БМВ» с неизвестными пассажирами, что погибли в ней. К тому времени я была уже официально вдовой, а родителям продолжала заливать, что вот-вот муженёк мой вернётся.

Отец меня как-то усадил на стул на кухне и ультимативно потребовал разъяснений:

– Он вернётся, пап, – заверяла я. – Обязательно вернётся.

– Юлька, Юлька... – глубоко вздохнул отец и погладил меня по голове. – И чего же тебе так с мужиками не везёт?

– Просто, я их не умею выбирать, – пошутила я и грустно улыбнулась.

– Сергей ушел к другой женщине?

– Ну... – замялась я.

– Я жду от тебя только правду!

– Хорошо, – согласилась я. – Только маме ни единого слова. Договорились?

– Договорились.

Так я рассказала отцу о сгоревшей машине, об экспертизе и о той фотографии, что висит у меня в зале на стене.

Отец долго курил. Вопросов не задавал. А напоследок пообещал, что маме без моего разрешения правду не расскажет.

– Что ж, – после долгих раздумий, продолжил он. – По крайней мере, он не ушёл к другой женщине.

– Хоть это плюс.

– Учти, мама твоя будет задавать вопросы о Сергее. Мой тебе совет, говори, что он уехал к любовнице в другой город. Ну, или ещё что-нибудь. Ибо твоя брехня про командировку – это детский лепет для тёти Томи.

– Ладно. Я что-нибудь придумаю ещё.

– Как же ты теперь будешь жить?

– Как и прежде, пап.

– Одна?

– Одна.

– И что, даже не подаришь мне внука?

Я засмеялась. Сначала мне было действительно смешно, но после... по щекам потекли слёзы. Отец понял, что вопрос о детях меня давно тревожит. Годы-то уже не те, чтобы игнорировать их.

И вот я еду в машине Миши к нему домой.

О чем я думала в первую очередь?

О детях.

Миша вполне подходил на роль отца моих детей. Сдержанный. Стабильный.

При других обстоятельствах, я бы бежала от такого кавалера, чтобы не сдохнуть от скуки. Но... иногда у нас просто нет выбора. То есть правильной сказать, нам не из кого выбирать.

Как когда-то сказала мама, «Других-то нет!»

Доехали мы до дома Миши. Благо он жил не с родителями. А-то бы я точно седой стала за вечер. Неспешно выпили чай на кухне, и я собралась домой. Хорошего понемножку. Хотя, чего уж тут хорошего?

– Юля, – подовая мне пальто, тихо начал Миша, – Может, ты...

– Может. Но не сегодня, – не выдержав длительность пауз

в его речи, перебила я.

Он замер. Посмотрел мне в глаза. Я думала, он меня прямо в коридоре изнасилует. Ну, мало ли? Кто знает, что у этого тихони на уме? А в его глазах явно читалось желание.

Вообще Миша внешне был вполне нормальным. Среднего роста. Худоват. Глаза большие, карие. Волосы каштановые. Стрижка аккуратная, без длинной чёлки, без бакенбард. Ни усов, ни интеллигентной бородки.

Миша был года на три моложе меня. И даже, несмотря на это, он вполне подходящая кандидатура для новой попытки. Попытки-пытки.

Как я совершенно верно предположила по его жгучему взгляду, в тот вечер он меня так и не выпустил из своей квартиры. Отобрал пальто и, подойдя вплотную, тихо произнёс:

– Не хочу тебя отпускать. Конечно, я тебя отвезу домой, но пожалуйста, давай не сегодня. Завтра суббота. Завтра и отвезу.

Больше он не стал уговаривать или в чём-то убеждать. Закрыл дверь на все замки и выключил свет в прихожей. Стало темно, лишь свет с кухни помогал видеть, где Миша. И что он делает. Он повесил моё пальто в шкаф. Усадил меня на пуфик и принялся снимать с меня сапоги.

Его ладони тёплые. Движения рук нежные. Миша, стоя на коленях, медленно снял с меня сапоги, провёл рукой по моим ногам. Внезапно его прикосновения перестали быть робкими, он раздвинул мои ноги и вжался в меня. Его губы

быстро нашли мои губы. Обняв, он неистово начал меня целовать.

Как долгожданный приз, я ощущала себя в его руках. И мне это понравилось. Мне вообще нравится, когда меня так жадно хотят. Я от этого завожусь.

Так в моей жизни появился третий мужчина.

Он не станет мне мужем. Не станет надёжным другом. Я боюсь его испортить. И это правда.

Я не доверяю ему. Я перестала доверять всем мужчинам несколько лет назад. Теперь и я к ним отношусь потребительски. И хотя Миша, в силу своего возраста, пока ещё не такой циничный, как я, всё же он не вселяет в меня надежду на «и жили они долго и счастливо». Не было у меня с ним шанса на любовь. Только секс. Качественный, добротный, стабильный секс.

Утаивая от всех наши отношения, мы с Мишей были защищены от поощрения или сочувствия. Мне не нужно благословение родителей при выборе кандидата на интимный досуг. Отсюда и отсутствие выпячивания моих отношений с Мишей. Хвалиться нечем, а стыдиться тем более.

Есть и есть. И с кем я делю постель, не всё ли равно? Кому какое дело? Не насилую же я его, в конце концов! А женить его на себе, у меня тем более, желания нет.

Забеременею, значит, так тому и быть. Ребенка и в одиночку можно воспитать. Тем более, мой отец мне всегда протянет руку помощи. Вот отец Максима так и не дождался

внуков. Так и умер, не став дедушкой. Я такой участи не желала никому. Поэтому прилагала все усилия, чтобы осчастливить своего отца. Я понимала, что у моего ребёнка не будет полноценной семьи, но что поделать, иногда у нас просто нет выбора. Миша парень хороший, но он слишком юн, мягок, чтобы обуздать такое неразумное создание, как я. К тому же, выходить замуж за него я совершенно не хотела. Хотя он и намекал на такое развитие наших отношений.

Мои близкие отношения с Мишей были в пиковой стадии, когда неожиданно в мою жизнь вернулся мужчина из прошлой жизни.

***

В тот вечер мне позвонила мама и попросила заехать к ним. Сказала, что меня ожидает сюрприз. Но когда я приехала, родителей не было дома, они ещё не вернулись из магазина. Вообще они в последнее время стали часто посещать все заведения вдвоём. Необходимо посетить поликлинику – идут вдвоём. В гости к соседке тёте Томе, опять вдвоём. Магазин, естественно тоже вдвоём.

Я как-то спросила маму:

– А почему такие перемены? Вы же раньше без перепалки и часа в одной комнате не могли находиться?

– Юль, он же на год старше отца Максима. Понимаешь? Боюсь я за него. Боюсь... И хочу, чтобы он чувствовал, что я в нём нуждаюсь. Ты не думай, что он болен или, что я боль-

на. Всё у нас со здоровьем в порядке. Да только боязно мне, когда я его подолгу не вижу. Пусть ворчит, но чтобы непременно был рядом. Чтобы я была рядом с ним. Понимаешь?

Мне стало грустно. Моим родителям под шестьдесят. Мне под тридцать. Жизнь ускользает, словно песок сквозь пальцы. Пролетает, как те красивые крупные снежинки, что врезались в мою память, когда мы с Максимом возвращались со дня рождения Ильи. Когда нам было всего лишь по восемнадцать лет.

Не стала я ждать в квартире возвращение родителей из магазина, отправилась проведать тётю Тому. Позвонила в дверь. Никто не открыл. Позвонила ещё раз. Послышался тихий шум за дверью. Ключ сделал своё дело, замок открылся, и дверь медленно стала открываться. По ту сторону двери стоял Максим. Взлохмаченный. Заспанный. Он стоял напротив меня и молчал. Я вначале молчала тоже. Но вскоре потянулась к нему рукой, проверяя, реален он или иллюзия.

– Неужели, действительно, приехал? Погостить, или семью привёз на постоянное место жительства?

– Юлька?

– Ну, да. Это опять я. Не рад? Понимаю.

– Что ты там своей головушкой понимаешь? – возмутился он и втащил меня в квартиру. – Ну-ка рассказывай, какими судьбами!?

– Да, погоди ты со своими расспросами. Дай сначала на тебя посмотреть, – посмотрела ему в лицо. – Нет, не изме-

нился. Всё такой же балбес!

И обняла его.

– Эх, Юлька-шпулька! А ты изменилась. Стала дерзкая. Но всё такая же красавица.

– Ой, да брось ты! Тоже мне красавицу нашел, – игриво отпихнула его и потрепала за щеку. – Ну, признавайся, ты надолго? Жену привёз? Или может уже и детишками обзавёлся?

Он изменился в лице. Былая радость от встречи пропала в нём.

– Я приехал один. Приехал навсегда.

– Не поняла. Как это один? А где Света?

– Она не захотела возвращаться в Россию.

– Не захотела? – зачем-то переспросила я и, попятившись, присела на пуфик.

Максим присел на корточки напротив меня. Так мы и сидели, по разные стороны коридора. Смотрели друг на друга и молчали.

Столько всего хотелось спросить, рассказать, а как дошло дело до встречи, так и надломилось что-то во мне. Сижу, смотрю на него и молчу.

Вот она моя большая белая птица, вернулась из-за океана. Прилетела и молчит.

Я с грустью во взгляде люблюсь Максимом. Он любит меня мной.

– Ты когда приехал?

– Часа три назад. Мама отправила меня спать, а сама, призвав на помощь твоих родителей, отправилась скупать продукты в магазине. Я ей говорил, что не голодный, но она была категорична. Сегодня званый ужин, по случаю моего возвращения. Ты, конечно же, приглашена.

– Спасибо. Обязательно буду.

– С Сергеем?

– С Мишей, – зачем-то огрызнулась я.

– А кто он такой?

– Миша, мой любовник, – равнодушно ответила.

– А... – растерялся Максим. – А как же Сергей?

– А Сергей, в длительной командировке.

– Не понял. Юлька, ты сейчас шутишь? Какой ещё любовник?

– Обычный, – голос у меня был тихим, спокойным. Я не шутила. Я говорила грустную правду. – Максим, искать виноватых, из-за которых в моей жизни столько непотребного, не стоит. Нет виноватых. Кругом только жертвы.

Встала и пошла на кухню.

– Максим, ты меня чайком угостишь? А-то я с работы. Голодная. Уставшая.

Чайник закипел, как раз когда в квартиру вошли родители. Они приволокли множество пакетов с вкуснятиной. Я перекусила бутербродом и принялась помогать готовить угощения на праздничный стол по случаю возвращения Максима.

Но грандиозного праздника не получилось. Часто за столом было молчание. И лишь мой отец не переставал вливать новую порцию оптимизма, очередным анекдотом.

Поздно вечером Максим проводил меня до такси.

– Ты пошутила, насчет любовника?

– Нет, Максим. Мне совсем не до шуток.

– Я спросил у матери о твоём Сергее, она сказала, что несколько лет его не видела. Как такое может быть?

– Он у меня очень скромный. Прячется от людей.

– Юль, прекращай дурачиться. Скажи правду.

– Правду? – усмехнулась я. – А правду я и сама не знаю.

– Где Сергей?

– Не знаю.

– Вы с ним разошлись?

– Нет! Ну, то есть... он меня не бросал. Хотя возможно, сейчас и живёт с другой женщиной.

Максим смотрел на меня, как на умалишённую.

– Не спрашивай меня, Максим. Всё разговоры потом. Ты ещё не отдохнул с дороги, а я ещё не пришла в себя от столь радостной встречи с тобой.

Не выдержала и потянулась, чтобы поцеловать его. Но он меня опередил и первым чмокнул. В щёку.

– Юль, я не знаю, что с тобой случилось, но позже обязательно разберусь, почему ты такая издёрганная. Мне кажется, раньше ты была гораздо мягче.

– Я ты разве помнишь, какая я была?

– Конечно.

– Врешь. Ничего ты не помнишь. Наверняка, даже не вспоминал обо мне.

Я не знала, как жить дальше. Максима не было и мне было плохо. И вот он вернулся, а мне ещё хуже. Он вернулся в родительский дом. Его больше не манит слава великого полководца. Не манит зелень доллАров. Он вернулся. Вот он. Будет жить по соседству с моими родителями.

Но отчего же такая дрянь на душе?

Отчего, глядя на него, во мне вскипает горечь и обида. И не столько на него, сколько на себя, за то, что не научилась жить без него. Не вижу способа жить с ним.

Он-то не зовет. Не тянется меня приголубить, приласкать.

Он просто вернулся. Но не ко мне!

Он просто теперь будет жить не за тридевять земель и три океана, а по соседству с моими родителями. Как и раньше. Вот только этого самого «как раньше» уже не будет никогда.

Годы... годы...

– Юль, мне кажется, ты сегодня перебрала спиртного, – взяв меня за руку, тихо сказал Максим.

– Ой, да ладно тебе! Ты ещё нравоучениями будешь меня доставать. Захотела – выпила. У тебя что ли разрешение спрашивать? Поздно! Раньше надо было воспитывать.

Вырвалась из его рук и пошла в сторону общественного транспорта.

– Стой, Юля!

Конечно, я не остановилась. Почему-то в тот момент меня трясло от обиды и злости. Столько лет. Столько лет. И... и ничего не изменилось в лучшую сторону.

Неожиданно он меня схватил за руку и дёрнул на себя.

– Значит так, ты либо сейчас возвращаешься к родителям домой, либо я тебя провожаю до твоей квартиры. Не знаю, что сейчас творится в твоей голове, но твоё поведение мне не нравится.

– Тьфу. Тоже мне новость! Да я вообще тебе никогда не нравилась!

– Юль, прекрати.

– Что прекратить? Правду говорить?

– Пожалуйста, успокойся.

– Да, пошел ты!

Вырвалась и побежала через дорогу. Туда где стояла машина такси.

Я уехала. Он остался.

***

День выдался ужасным.

В моей жизни, наверно, наступила черная полоса. Вроде пятница, все радуются, что наконец-то завтра выходные, а у меня одни проблемы.

За завтраком рассыпала сахар, потом пролила на себя кофе, и пришлось в срочном порядке переодеваться. В итоге опоздала на работу. На работе всё шиворот навыворот.

Все бегают, суетятся, у меня ничего не получается. Настроения никакого. В обед позвонил Миша и что-то мямлил про вечер. Говорил, что скорей всего задержится. Я сказала, что никаких проблем, можем вообще перенести совместный ужин на другой день. Но он заверил, что обязательно придет сегодня. Хотя и с опозданием.

После полудня мой кошмар продолжился. Нужно было закончить отчёт, иначе мне начальство окончательно бы вынесло мозг.

И тут мне позвонил отец.

– Алло, дочь, ты как вчера домой добралась?

– Нормально.

– Не обманываешь?

– Нет. Максим меня проводил до такси, и я благополучно доехала домой. Я же уже утром перед мамой отчиталась, что всё у меня нормально.

– Мать есть мать. Ты ей можешь сколько угодно лапши вешать на уши. А меня не проведёшь! Что между тобой и Максом вчера произошло, когда он тебя провожал до такси?

– Не знаю. Всё вроде нормально было. Вышли из дома, дошли до такси. Я уехала, он ушёл домой.

– Юль, я твою брехню за версту чувствую. Не хочешь признаваться сейчас, позже сама придешь ко мне и всё расскажешь. Я тебя знаю.

– Ну, потом может и приду. А сейчас у меня работы много. Отчёт нужно до конца рабочего дня доделать.

– А твоя головушка не раскалывается, после вчерашнего?

– Ну, пап, извини. Каюсь. Переборщила. Не знаю, что на меня нашло. Сама не заметила, как выпила годовую норму. Обещаю впредь так себя не вести!

– Это хорошо, что ты раскаиваешься. Значит, ещё не всё потерянно.

– Спасибо, папочка, за поддержку и понимание.

– Поддержка есть. Понимания нет, – он помолчал пару секунд в трубку, а потом меня огорошил. – Юль, уж не знаю, что ты вчера учудила, но мне кажется, Максим именно из-за тебя напился вусмерть.

– Когда? Он же почти трезвый был, когда меня провожал.

– Ну, да. А когда вернулся накидался так, что я его едва до кровати довел.

– Может, это он так переживает, что Светка его не захотела возвращаться на историческую Родину?

– Тебе самой не тошно от своих версий? – возмутился отец.

– Пап, ну, правда, я его не обижала.

– А он тебя?

– Э... не помню. Кажется, тоже нет.

– Ох, Юлька, не зря мне Руднёв старший, незадолго до смерти намекал, что промеж вас с Максимом страсти бушевали. А я, дурак, не поверил ему. Посчитал, что заговаривается. Теперь вижу – прав он был. Ох, как прав.

– Пап, ты хоть матери не говори об этом.

– Да, уж, конечно! Как же без этой твоей присказки! Уже который год ты именно этими словами заканчиваешь наши с тобой доверительные беседы.

– Так я же не за себя, за маму переживаю.

– Понятное дело! За маму она переживает. Конечно, отец же у тебя бронебойный!

– Ну, пап...

– Всё! Конец связи! Дома поговорим, – и уже менее грозным голосом добавил, – Юлька, ты хоть на выходные к нам приедешь?

– Постараюсь.

– Буду ждать. Береги себя.

Повесил трубку. А я к вечеру доделала все дела на работе, и со спокойной совестью пошла домой.

От беготни и проблем на работе, жутко разболелась голова, и новые туфли натерли ноги. Поскорее бы добраться домой, надеялась я.

Зашла в магазин, ведь дома шаром покати. И спрашивается, куда столько накупила? Сумочка через плечо и в каждой руке по пакету с продуктами. Начал моросить дождик, я шла чуть не плача от головной боли и думала, что этот дождь добьёт меня. И по наивности думала, что хуже быть уже не может.

Оказывается, может.

Проходя мимо маленького ресторанчика, я встала, как вкопанная. Из этого ресторанчика выходил Миша с краси-

вой молоденькой девушкой. Они обнимались и весело смеялись, спешили к его машине. А я стояла под дождём и не могла поверить своим глазам. Миша заметил меня, с его лица слетела былая веселость, он резко замедлил шаг. Потом быстро проводил девушку к машине, усадил её и направился в мою сторону. Я стояла ошарашенная и мокла. Миша стал подходить ближе, я покачала головой из стороны в сторону, предупреждая его не приближаться. Он остановился.

– Юль, прости. Я...

Не стала я выслушивать оправдания Миши, просто обошла его и побрела домой. Миша несколько раз меня окрикнул, но я не остановилась. Не оглянулась. Я продолжила идти.

Оказавшись дома, выложила продукты на кухонный стол. Скинула с себя всю одежду, которая полностью была мокрой. Приняла душ и надела на голое тело махровый халат. Взяла из шкафа бутылку коньяка, бокал, плитку шоколада и пошла в зал. Плюхнулась на диван и стала пить за то, что этот грёбаный день наконец-то закончился.

И вдруг стало так жалко себя.

Женщины вообще любят жалеть себя, я не исключение. Мне было обидно, что никого у меня нет. Что всё в моей жизни происходит как-то несуразно, постоянно всё вверх тормашками.

Решила позвонить подруге Ленке. Может, хоть она что-нибудь посоветует или скажет приятные слова поддержки.

Взяла телефон, посмотрела на время и ахнула. Я уже час, как дома, а даже не заметила, что мне звонили. Три пропущенных от Миши и шесть пропущенных из квартиры Руднёвых.

И что им всем от меня надо?

Не успела придумать ответ, как дверь в квартиру хлопнула, впустив нежданного гостя. Вскоре я увидела Мишу.

– Юля! У тебя дверь в квартиру была открыта.

– Тебе-то какое дело? Может, я другого любовника ожидаю. Ты на сегодня занят, так я решила, чтобы вечер не пропал, другому любимому мужчине позвонить.

– «Любимому мужчине»? – он даже усмехнулся. – Что-то новенькое в твоём лексиконе.

– А ты к словам не придирайся. Суть-то от этого не меняется.

– И кто он?

– Тебе какая разница?

– Кто он! – почему-то повысил на меня голос Миша.

– Не поняла. Миша, а ты ничего не перепутал? Это же я только что видела, как ты смазливую девочку в ресторане выгуливал. Это мне в пору в истерике биться.

– Чего же ты не бьёшься? – нервно спросил он.

– Наверное, потому, что я не люблю тебя.

Он зверел на глазах. Черты его лица стали грубыми, резкими. Взгляд колкий.

– Миша, уходи, пожалуйста. И не возвращайся.

Он стал приближаться ко мне. Машинально я принялась

поправлять на себе халат, мысленно ругая себя, что не наде- ла после душа что-нибудь более преграждающее моё тело от мужчины. Одного натиска рук Миши было достаточно, что- бы халат разъехался в разные стороны, оголяя меня.

– Не смей этого делать! – возмутилась я, но трезвый муж- чина, всегда сильнее подвыпившей женщины.

Я брыкалась, кричала, звала непонятно кого на помощь, но мой бывший любовник не желал сдавать полномочия, то есть права на меня. И пытался, прямо на диване, восстано- вить наши близкие отношения.

Прелюдии с поцелуями не было. Только грубое насилие. Вскоре я перестала звать на помощь. Зато начала кусаться. Царапаться и извиваться, как уж.

Но не плакала.

Мой протест не останавливал некогда интеллигентного Мишу, он продолжал вжимать меня в диван, при этом умуд- ряясь стягивать с себя куртку, рубашку и даже брюки.

Я не сдавалась. Дышала, как загнанная лошадь, но не сда- валась.

– Весело тут у вас, – внезапно раздался поблизости муж- ской голос.

Миша испуганно замер. Я резко посмотрела в сторону спасительного голоса.

Максим.

Стоит и смотрит, то на меня, то на Мишу.

Первой опомнилась я:

– Максим, умоляю, убери его с меня, – тычу пальцем в голую грудь Миши.

– Так ты, действительно, другого ждала? – рычит на меня Миша.

Максим продолжил, растерянно смотреть на нашу странную с Мишей позу.

– Максим! – заорала я и голосом своим оглушила Мишу и вернула в реальность Максима.

Он быстро подлетел к Мише, засадил ему кулаком в челюсть. Повалил на пол и ещё несколько раз саданул в голову, по рёбрам и ещё куда-то. Миша выл, а я натягивала на себя треклятый халат, прикрывая былую наготу.

– Он кто? – полностью устранив угрозу в лице Миши, спросил у меня Максим.

– Это Миша.

– Твой любовник?

– Ну, до сегодняшнего дня Миша им был.

Подошла к Мише и что было сил, пнула его в бок ногой.

– Юль, что у вас тут происходит? – спросил Максим.

– Расстаёмся мы с Мишей. Я хотела тихо, мирно, интеллигентно, а Миша у нас большой оригинал оказался. Захотел прощальный секс.

Вновь пнула Мишу. На этот раз попала ему в бедро.

– Миша, может уже передумал, насчёт секса-то? – спросила я.

– Передумал, – буркнул Миша, но встать с пола не решил.

ся.

– Очень хорошо, что передумал. А-то видишь, как неудобно получилось, ко мне гость пришёл, а мы тут с тобой разворотом занимаемся.

Без малого у меня начиналась истерика. Я что-то ещё говорила Мише. Предупреждала его больше ко мне не приближаться. Максим почему-то стал меня придерживать за руки, а потом так и вовсе подхватил и понёс в ванную комнату. Миша при этом почему-то стал благодарить Максима и быстро покинул квартиру.

Я стояла в собственной ванне, Максим бережно пытался отобрать у меня из рук, непонятно откуда взявшийся бронзовый подсвечник, который обычно стоял в зале на столике, возле дивана.

– Успокойся, Юля, успокойся, – шептал Максим, – Отдай мне подсвечник. Не нужно больше им никого бить. Всё в порядке, Миша уже ушёл. И больше не вернётся. Молодец.

В моих руках больше не было подсвечника. Но руки всё ещё сильно тряслись. Голоса своего я не слышала, хотя и пыталась что-то сказать Максиму. Неожиданно стало тепло. Пошла вода из душа и прямо мне на плечи. Я почему-то оказалась уже без халата. Халат в руках у Максима. Вскоре он его повесил на крючок и стал водить леечкой душа по моим плечам. Поднял леечку выше и моё лицо накрыли струи теплой приятной воды.

Из душа я вышла, уже почти успокоившись. По крайней

мере, руки не тряслись, и не хотелось рыдать.

– Максим, как ты здесь оказался? – натягивая трусики, домашние брюки и майку на себя, заикаясь, спросила я.

В тот момент я не смотрела ему в глаза. Не хотела увидеть в них тревогу, заботу, сострадание и переживание.

– Я тебе звонил, ты не отвечала. Тогда зашел к твоим родителям, попросил адрес. Отец твой мне рассказал, где ты теперь живёшь и я приехал.

– Хорошо, что приехал. Иначе не знаю, что бы тут было.

– Мне кажется, один из вас, другого бы прибил. Только пока не понял, кто из вас, ты или твой Миша, большой псих.

– А ты зачем мне звонил? Чего хотел? – проигнорировала я его комментарий, относительно моего психического состояния.

– Хотел тебя увидеть. Поговорить, – замялся Максим.

– Ну увидел, поговорил. Теперь иди домой. Я сейчас не могу с тобой долго разговаривать. Видишь, в каком я состоянии?

– Вижу. Поэтому и не хочу тебя оставлять одну.

– Максим, только не надо, этих красивых жестов, ненужных жертв. Ничего со мной больше не случится. Иди домой. Мне, правда, хочется побыть одной. Уходи, пока орать на тебя не начала. Поверь, я держусь из последних сил... Прости, не привыкла я к подобной заботе со стороны мужчины, и мне не нравится, что ты продолжаешь меня держать за руки. Я уже могу вполне адекватно реагировать на окружающий

мир. Обещаю, сейчас я тебя провожу и пойду спать. Уходи. Мне сторож не нужен.

Он посмотрел на меня в упор, и долго не решался, но всё же, развернулся и вышел. Вскоре я услышала, как хлопнула дверь.

На автопилоте пошла в коридор, закрыла входную дверь на ключ. В зале подобрала с пола бутылку из-под коньяка и выкинула её в мусорное ведро. Прошла по всей квартире, задернула наглухо все шторы, выключила свет, отключила телефон. Зашла в спальню, легла в постель, укрылась одеялом, почти с головой и... снова начала себя жалеть. Плакала долго, горько, навзрыд, закусывая кончик одеяла.

В доме были слышны лишь мои всхлипывания.

Меня больше никто не тревожил. Но и сон не спешил ко мне.

Я лежала и думала, какой же жуткий день...

***

А на следующее утро мне позвонил Максим со своего нового мобильного телефона и предложил встретиться в кафе.

Я-то думала, он мне что новенькое, приятное скажет. Или огорошит очередным витком его нестабильной жизни. Похвастается, что вновь его крылья просятся в полёт. И что я его опять не увижу долгие годы. Но вместо этого он лишь хотел, чтобы я поехала с ним за город. Так сказать, на природу. Отдохнуть в компании его друзей. Многих-то, конеч-

но, я знала. И Илью, организатора этого кемпинга, и Толика с Витей. И даже их жён и любовниц, городок-то небольшой. И всё же не согласилась я на предложение Максима.

Причину, побудившую его предложить мне поездку за город, я понять могу. Все будут парами, а Максим стесняется ехать один, его-то благоверная не пожелала покинуть Австралию.

Но я-то тут причём?

Максиму приятное сделать? Нет. Хватит! Надо и о себе думать. Я ему что – Свето-заменитель? Жены поблизости нет, сойдёт и Юлька! Так что ли?

Обойдется без меня!

Я же без него как-то обхожусь!

Вымокнув под дождём, после побега из кафе и гулянья у фонтана, побрела домой. А наследующий день поехала к родителям.

Они меня ждали. Мама испекла пирог. Поэтому первым делом, меня плотно покормили, а потом ещё напоили чаем.

После такого гостеприимства, я отправилась поваляться на диване. И уснула. Проснулась под вечер. На душе было хорошо и спокойно. Аж захотелось обратно переехать к родителям. Только мысль о молодом, красивом соседе, который на днях вернулся из Австралии, мгновенно разрушила это желание.

Поднялась с дивана и пошла, искать родителей. В зале их не было. Отправилась на кухню.

Войдя туда, немного растерялась.

Тетя Тома сидела за столом и плакала. Мама её гладила по плечу и утешала:

– Тома... Тома, успокойся. Всё наладится. Вот увидишь. Всё будет хорошо. Ему-то тоже плохо. Тридцать лет ни за горами, а ни семьи, ни работы. Конечно, он расстроен. От этого и проблемы.

– Здравсти, тётъ Том! – поприветствовала я, входя на кухню.

Мама и тётя Тома меня увидели и принялись каждая вытирать свои слёзы.

– А вы чего тут делаете? – спросила я, поскольку пауза затянулась. – И где папа?

– Он... – медлила мама с ответом.

– Он к Максиму пошёл, – пояснила тётя Тома.

– К Максиму? Зачем? Что-то случилось?

– Всё нормально, дочь, – улыбнулась мне мама. А у самой лицо заплаканное. – Просто они давно не виделись, вот и пошёл папа с ним пообщаться. Так сказать, по-мужски.

– Интересно, мам, я, когда тебе вру, тоже также глупо выгляжу?

– Юля! – возмутилась тётя Тома.

– Ну, правда, тётъ Том? Я же уже давно немаленькая, меня не так просто обмануть.

– А когда это ты меня обманывала? – насторожилась мама.

– Ой, я уже и не вспомню, – ускользала я от чистосердеч-

ных признаний. – Вспомню, расскажу.

– Ох, Юлька! – погрозила мне мама пальчиком. – Наказать бы тебя!

– Было бы неплохо, жаль, что уже поздно, – я улыбнулась и присела за стол. – А теперь рассказывайте, что у вас за повод слёзы лить?

Они переглянулись, и тётя Тома решила признаться:

– Юленька, с Максимкой беда. Пьет он. Как приехал, так и дня его трезвым не вижу. А под вечер так совсем... И ладно бы тихий был. Я же понимаю, всё бросил, жену, работу. Приехал домой. А ему и похвастаться перед друзьями нечем. Вчера его Илья пригласил за город, на шашлыки. Так Максим, вместо того, чтобы поехать развеесться, напился и буянит.

– Буянит? – возмутилась я. – Этого ещё не хватало!

Ринулась в коридор.

– Юленька, не ходи! – кричала мне в след тётя Тома. – Он протрезвеет, тогда и поговоришь.

– Ну, уж нет! – схватила ключи и документы от папиной машины и вышла из квартиры.

В соседней квартире меня никто не ждал. И хотя я беспрепятственно туда вошла, идти напролом, не стала. Затаилась в коридоре. Прислушалась. Бубнят на кухне. Захожу туда, и что вижу? Пьют.

– Нормально. Те две плачут на кухне, а вы тут бухаете? Ну, и где логика? Пап, тебя же совершенно не для этого де-

легиrowали в эту квартиру?

– Юль, ты только матери не говори, – подмигнул мне отец и виновато улыбнулся.

– Ох, а накурили! – возмущению моему не было предела. – А ну-ка дайте пройти, форточку нужно открыть.

Максим с отцом потеснились, и я протиснулась к окну. Открыла форточку. Свежий воздух ворвался в прокуренное помещение. От этого стало гораздо легче дышать.

– А закусываете вы чем? – спросила, посмотрев на стол.

На столе стояли две рюмки, почти пустая бутылка водки и трёхлитровая банка, из которой и вылавливались, по мере необходимости, солёные зелёные пупырчатые огурчики.

– Молодцы! – с сарказмом похвалила их я и посмотрела в глаза каждому.

Они почему-то улыбались. Виновато, но улыбались.

– Так! Друзья-товарищи, посидели и хватит. Ты, папочка, дуй домой и сразу спать.

– А я? – подал голос Максим.

– А тебя я сейчас буду выгуливать. Надевай куртку и пошли гулять. Перед сном прогулки полезны. Как вам моё предложение? Согласны?

– Согласны, – почти одновременно сказали они.

Отец и Максим поднялись из-за стола и пошли в коридор. Я помогла Максиму одеться. Он действительно был пьян. И хотя на ногах стоял нормально, в глазах была пелена. И речь его сильно заплеталась.

Вышли из квартиры. Отец отправился домой, мы с Максимом к лифту. Максим покорный, немного смущён, но держится хорошо. Во всяком случае, не буянит.

– Юлька! – улыбаясь, обратился он, немного прижав меня к стенке в кабинке лифта, когда мы уже ехали вниз, – Как хорошо, что ты пришла. Мне было так плохо без тебя.

Не смогла скрыть своё удивление:

– Без меня плохо?

– Без тебя.

– Ох, и мастер ты заливать, когда пьян.

Он даже не обиделся. Улыбка его стала шире. Глаза добрее. Лицо милым.

– Если бы ты знала, как я по тебе соскучился.

Улыбнулась, но не ответила. Ну, что с него взять? Пьяный мужик. Грош цена его словам. Дверцы лифта открылись, я подхватила его под руку и вывела из подъезда.

– Куда пойдём? – поинтересовался он.

– Я украла ключи от папиной машины, так что мы сейчас с тобой не пойдём, а поедем. Кататься будем.

– А ты лихая! – как-то по-детски обрадовался он.

И обняв меня одной рукой, повёл в сторону парковки.

– Ещё какая, лихая, – понуро, согласилась я.

Дошли до папиной «Волги», я открыла дверцу и попыталась усадить Максима на пассажирское сидение спереди.

– Юлька! – он обхватил меня своими сильными руками за талию и прижал к себе. – Дай, я тебя поцелую.

– Целуй и садись.

О, если б я заранее знала, что это будет за поцелуй, я бы так быстро не согласилась. Хотя, что там скрывать, конечно, согласилась бы всё равно.

Он целовал и его пьяный поцелуй подкашивал мне ноги. Казалось, его губы, язык вынимали из меня душу. Я не представляла, что столько страсти можно уместить в поцелуе. Он целовал, а я стояла в его жарких руках и млела. Хотелось забыть все эти годы без него. Забыть разлуку, обиды и сбросить с себя всю ту шелуху циничности и злобы, которой я обросла за эти годы. Без него. Без его рук. Голоса и взгляда.

Ведь тогда, много-много лет назад, в подъезде, он меня точно так же страстно целовал. Казалось, без моих губ он задохнётся, умрёт от горя. Но... тогда мне так казалось, и я готова была на любые его условия.

К сожалению, условие было только одно – не люби меня. Пользуйся мной, но не люби.

– Максим, – выскользнула я из его рук. – Поехали. Там будет ещё лучше.

В его взгляде проскользнуло удивление, он растерялся, но позволил мне усадить его на сидение и даже закрыть дверцу машины.

Через несколько минут мы ехали по загородной дороге в сторону базы отдыха, в которой предположительно отдыхали на этих выходных друзья Максима.

Сам Максим несильно понимал, куда вообще я еду. Он

трезвел или, по крайней мере, старался выглядеть более трезвым. Пьяные глупости не говорил. И за пятнадцать минут задал лишь пару вопросов. Первым из них был, как давно я обучилась вождению. И второй, почему при такой великолепной технике вождения, до сих пор не приобрела собственное авто.

– Денег жалко. Вот и не покупаю, – сухо ответила я.

Он замолчал. Я думала, уснул. Нет. Сидит, смотрит на дорогу. Тогда не выдержала и спросила:

– Максим, почему ты так много пьёшь?

– Так получается.

– Мне твою маму жалко. Она надеялась, что когда ты вернёшься, будешь ей защитой и поддержкой. А в результате... Сегодня она плакала, сидя у нас на кухне. Она и раньше плакала, ещё до твоего возвращения но, то были другие слёзы. И их причины были в другом. Одумайся, что ты делаешь?

– Может мне уехать?

– Да езжай ты куда хочешь! – крикнула я. – Ты только не обижай тех, кто тебя любит!

– Юль, а ты меня ещё любишь?

– Нет! Конечно, нет, что я дура! Ты пьешь! Дерешься. Женился непонятно на ком! В Австралию на хрена поехал? Мать одну оставил после смерти отца. Ненавижу! Всех вас мужиков ненавижу! Издеваетесь, а потом спрашиваете, «ты меня любишь»? Нет! Тысячу раз нет! И не смей ко мне с подобными вопросами приставать! Понял!?

Я орала так громко, что сама чуть не оглохла.

Максим затих. Меня отпустило. Стало даже немного неудобно за эту минутную слабость.

– Извини, – попросила я и притормозила у обочины.

Как всегда в неподходящий момент, затряслись руки и на глаза напоззли слёзы. Потянулась в бардачок, отыскала сигареты отца и, опустив стекло со своей стороны, закурила. Максим молчал. Смотрел на дорогу, на проезжавшие мимо нас машины и молчал.

Докурив паршивую сигаретку, я затушила её о пепельницу и выкинула окурочок в окошко. И только после этого решила посмотреть на Максима.

Он на меня не отважился смотреть.

Погладила его по плечу и ещё раз попросила прощение:

– Извини, Максим. Я постараюсь больше не повышать голос в твоём присутствии.

– Юль. Я тебя боюсь... Если бы не боялся, уже давно прижал бы тебя к себе и зацеловал. А вчера в душе чуть с ума не сошел, от желания коснуться тебя. И до этого тоже... когда увидел тебя с этим, твоим Мишей, так планка напрочь слетела. А потом ты этого Мишу чуть не пришибла тем бронзовым подсвечником. Ну, думаю, довел Мишка такую чудесную, добрую девочку, до агрессии. Потом, подумал, подумал... Нет, это не Мишка Юльку довёл. Я на путь этот вывел. Мишка был лишь твоим временным попутчиком. Прости, что я надломил, а остальные доломали.

Выругалась матом и вышла из машины, громко хлопнув дверью.

Постояла, подышала прохладным воздухом, успокоилась и вернулась в машину.

Максим на меня не смотрел. Курил.

Придётся отцу новую пачку сигарет купить. Мы с Максимом пока вернёмся в город, эту точно докурим.

Неожиданно у меня зазвонил телефон.

– Алло.

– Алло, Юля, а вы где?

Звонила мама. Странно, что не папа.

– У нас всё хорошо, мам. Мы с Максимом катаемся в папиной машине. Передай тётке Томе, чтобы за Максима не переживала. Я его украла до утра.

Максим, услышав мои слова, перестал курить и посмотрел на меня. Его взгляд смущённо-довольный. Попытался подавить улыбку. Но я всё равно его улыбающиеся губы увидела.

И они мне нравятся.

Мне всё в нём нравится. И то, что пьян. Что боится меня и просит прощение за то, что надломил когда-то.

Отключила телефон. Завела машину и выехала на дорогу. Машина едет прочь от города, а Максим так ни разу и не спросил, куда и зачем я его везу.

– Расскажи что-нибудь о себе, – попросила я.

Он пару раз затянулся, выпуская струи дыма в окошко, и заговорил:

– Я ведь её не любил, когда женился. Она, конечно, мне нравилась, но о любви речи не шло. Она сказала, что беременна. Я испугался за ребёнка и женился. А потом меня с группой отправили на пару недель в горы. Когда вернулся, Света сказала, что случился выкидыш... Я не знаю, была ли она в действительности беременна, когда я вёл её в ЗАГС. Разводиться не стал. Хотя она боялась, что из-за выкидыша её брошу. Я не бросил. Стали жить. Мне казалось, жили нормально. Но... Меня ведь не сократили, Юль. Я соврал родителям. На самом деле, сам уволился. Денег зарабатывал мало и уволился. Света давно просила меня поддаться уговорам Павла и уехать в Австралию. Я туда и попёрся за большими деньгами... Деньги заработал, а себя окончательно растерял. Мне не жаль, что вернулся без Светы. Ей там хорошо...

– А тебе здесь хорошо? – невольно вырвалось у меня.

– Гораздо лучше, чем вдали от вас. Я это знал, поэтому и вернулся.

– Чего же ты тогда пьёшь?

Он закурил новую сигарету.

– Из-за тебя, Юль.

Усмехнулась.

– Я вроде тебе не подливаю водку и в руку рюмку не вкладываю.

Его рука легла мне на коленку. От неожиданности я вздрогнула.

– Что ты делаешь?

– Юль, останови машину.

Притормозила. Съехала на обочину и заглушила двигатель.

Максим вышел из машины.

Уже наступила ночь. Дорога пустая. Нет встречных, попутных. Темно. Лишь только свет от фар нашей машины и большая круглая Луна. Максима не было пару минут. Когда вернулся, подошел к водительской двери, открыл её и, взяв меня за руку, потянул, вытаскивая из-за руля.

Почему-то я безропотно вышла. Он захлопнул дверь, развернул меня к себе лицом и прижал к машине. Руки свои не спеша положил мне на плечи.

– Юль, я тебя боюсь... потерять.

Сладко обнял и опустил голову мне на плечо.

– Девочка моя, подпусти меня к себе. Мне действительно плохо без тебя.

– Странные ты сейчас говоришь слова. Это ведь я всегда думала, что мы будем вместе. Ты же меня никогда не замечал. Я всегда была для тебя просто другом.

– Нет. Ты всегда была со мной, вот здесь, – Максим указал ладонью на свою грудь, где под ладонью билось сердце.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Много эмоций бушевало в наших взглядах. И эти эмоции образовывали такой жгучий коктейль, что выделить отдельно какую-то эмоцию было невозможно.

Но больше всего мне было трудно стоять и ощущать ря-

дом с собой человека, которого любила всей душой. Стоять, но не осмелиться к нему прикоснуться.

– Ты, видимо, что-то забыл, – тихо попыталась напомнить я. – Ты меня никогда не любил.

Отвернула лицо от Максима и, перестав видеть его глаза, стала подавлять желание дотронуться до него.

А вот он свои желания не собирался подавлять.

Приблизился ещё плотнее ко мне и провёл губами по моей шее. От этих прикосновений вновь дернулась. Но руки его не позволили увернуться от дальнейших поцелуев. В шею, в щёки, губы.

– Не делай этого, Максим, – шептала я. – Не зарождай во мне надежду.

– Юлёк, Юлёк, – шепчет и вжимает меня в себя, с такой нежностью, что против воли слабею.

Я уже не способна бороться и ним. Не способна противостоять. Лишь таять, таять... таять.

– Максим... я тебя ненавижу, – едва слышно шепчу, а глаза мои от удовольствия закрываются. – Не-на-ви-жу.

– Я знаю, Юль. Я знаю.

Прикасается своими губами к моим. И умелыми прикосновениями вынуждает меня ответить на его ласку.

Целую его. Обнимаю. Отдаюсь.

Бери, пользуйся, но... не люби.

Не позволяй поверить в твои чувства. Ведь их нет? Правда?

– Юлька, если бы ты знала, как сильно я тебя люблю.

Мои руки замерли. Губы стали словно камень. Отстраняю Максима от себя и что есть силы, ладонью бью его по щеке. Он в шоке. Больше меня не целует. Хотя и продолжает прижимать к себе.

А я вновь ему отвешиваю пощёчину. Уже по другой щеке. Затем ещё и ещё. Его щёки горят, ощущая силу моих рук.

– Не смей! – кричу ему, – Не смей мне это говорить! Не смей...

Разрыдалась и накрыла лицо руками. А Максим прижал меня к себе и прошептал мне в ухо:

– Я люблю тебя, бешеная. Люблю. Можешь, вырваться и бить меня. Но знай, я люблю тебя. Люблю.

Я действительно, вырываюсь, но Максим – не Миша. Максим гораздо сильнее. Он меня схватил, поднял на руки и умудрился положить на заднее сидение машины. Не успела я вывернуться, чтобы выскользнуть, через другую дверь, как Максим сверху на меня навалился. Теперь я уже не рассчитывала на побег.

Визжала и брыкалась, а Максим спокойно шептал над ухом:

– Прости, но больше я тебя не оставлю одну. Прости...

И вновь его поцелуи.

Я начала кусаться. Он позволял мне спустить пар и даже не убирал руку, которую я уже закусала.

– Юль, в машине твоего отца есть презервативы?

Услышав вопрос Максима, замерла, так и продолжая перекусывать его руку. Его слова – словно окунание в прорубь.

– Есть? – переспросил Максим. – Ну, нет, так нет. Значит, быстрее станешь мамой, а я папой.

И принялся бесцеремонно расстегивать на мне брюки.

Уже не кусаюсь. Предпринимаю новую попытку вылезти из-под Максима. Шмыгаю носом и вытираю глаза от слёз. Свет в салоне горит и позволяет мне прекрасно видеть его лицо.

Сосредоточенный взгляд. Мне кажется, он трезв. И от этого пугаюсь ещё больше. Ведь будь он пьян, я бы его поведение оправдала – «пьяный мужик». Но он же, адекватен сейчас. И все его слова – это не бред пьяного.

– Максим, – растерянно зову.

Его взгляд переключается с ремня брюк, на моё лицо.

– Максим, что мы делаем?

– Мне кажется, мы миримся.

– Миримся? Это как же нужно было поссориться, чтобы вот так мириться?

– Ну, вот такие мы с тобой оригиналы, – улыбаясь, говорит Максим. – Слушай, а аптечка в машине есть? А-то у меня от твоих укусов, такая адская боль, что, кажется, сейчас взвою.

– Зачем же ты позволил мне кусать тебя?

– Я думал, тебе после этого станет лучше, – как-то глупо пояснил он и посмотрел на свои запястья, на которых были

жуткие отметины от моих зубов.

– Максим, может тебе всё же не связываться с такой неадекватной, как я?

– И не надейся.

Он провёл по моим губам указательным пальцем. Коснулся щеки. Но внезапно сел на сидение и помог мне присесть рядом.

– Слушай, Юль, так как насчёт презервативов?

Я пихнула его в бок локтём, и мы рассмеялись.

– Ох, и дурные мы...

– Согласен. Именно поэтому, нам нужно держаться друг друга. А ещё лучше пожениться.

– Пожениться?

– Ну, да. Твой отец рассказал мне, куда делся Сергей. И поскольку ты вдова, я в разводе, нам никто не помешает создать новую ячейку общества.

– Какую ещё ячейку общества? Ты в своём уме? Ты же совершенно не знаешь меня. Мы с тобой слишком долго жили порознь, чтобы забыться и создавать какую-то там ячейку общества.

Он притянул меня к себе и грозно рявкнул, хотя при этом почему-то улыбался:

– Ты мне это брось! Как сказал, так и будет. В моей семье – я главный! Поняла?

Улыбаюсь, но молчу.

– Поняла? – переспросил и шутливо ладонью схватил ме-

ня за горло, грозя придушить.

Кивнула.

– Хорошая мне достанется жена, – продолжает подшучивать он. – Покладистая.

Я уже не в силах сдержаться. По моей улыбке Максим видит, что кусать его не стану. По крайней мере, не сейчас.

– Максим, когда ты протрезвеешь, можешь даже не извиняться за своё поведение. Я пойму и без лишних слов, что это всё было сказано тобой несерьёзно. Так сказать, во хмелю. Я не буду надеяться на счастливый конец нашей истории. Ведь понимаю, что нет, и не может быть у нас с тобой этой самой истории. Подурачились и хватит. Живи своей красивой жизнью, а обо мне не беспокойся. Я уже столько лет жила без тебя. Проживу как-нибудь и дальше. Ты только, пожалуйста, не говори, что любишь меня. Я не хочу тебе верить. Не хочу. Мне так легче будет, когда ты протрезвеешь и исчезнешь.

Он долго сосредоточенно смотрел мне в глаза, потом резко вышел из машины, хлопнул дверью, и тут же я увидела, как он садится за руль, заводит двигатель, и машина со свистом срывается с места.

Мы мчимся по шоссе. Мне страшно смотреть, как быстро перемещается стрелка на спидометре с одного деления на другое.

– Останови машину! – закричала я, когда на спидометре было больше 160 км/час.

Бесполезно. Максим не реагировал на мои слова. Я ухватила за его плечо.

– Максим, чего ты добиваешься!? Угробить нас решил!?

«Волга» начала терять скорость и вскоре плавно остановилась прямо посередине двух полосной дороги. Редкие попутные и встречные машины, притормаживая, нас объезжают. При этом никто не демонстрирует звуковым сигналом, что недоволен нашим поведением или, что мы представляем реальную угрозу на дороге.

– Юль, скажи, как мне доказать тебе, что ты единственная женщина которая нужна мне.

Молчу. Не знаю, что ему сказать. Пульс бьёт по вискам. Сердце выпрыгивает из груди.

Голос Максима спокойный:

– Прошу тебя, Юля, давай попробуем начать всё сначала. Пожалуйста.

Ничего не говоря, вышла из машины и, пошатываясь, побрела в сторону пшеничного поля. Дошла и упала в спелые колосья. Смотрю на звёздное небо и думаю, как хорошо на свете жить.

Не сразу заметила, что Максим присел рядом со мной на корточки и, сломав колосок, водит им по моим волосам.

– Максим, я ведь любила тебя. Всё ждала, что ты меня заметишь. И влюбишься по уши. Мечтала, что мы поженимся, когда ты вернёшься из армии... Ты не знаешь, но дело в том, что когда я первый раз в жизни занималась сексом, делала

это назло тебе. А ты об этом даже не знал. Думал, я влюбилась в Сергея. А я тебе просто глупо мстила за Ленку из 215 квартиры... Кстати, она же вот недавно третьего ребёнка родила. Представляешь? Мы с тобой всё ещё дурыю маемся, а она уже многодетная мать.

– Июль, я знал про тебя и Сергея, – тихо заговорил Максим.

Он уже не дразнил меня пшеничным колоском, но продолжал смотреть мне в лицо. Луна освещала всё вокруг, но лицо Максима я видела плохо.

– Сергей сам мне рассказал. И предупредил, что ты его девушка.

– Не поняла. А почему он с тобой об этом говорил? И когда?

– Ты во время секса с Сергеем моё имя называла. Не помнишь?

– Нет, – я действительно не помнила этого.

– А Сергей, как ты сама понимаешь, такого забыть не смог. И после близости с тобой выловил меня и строго настрого наказал к тебе не приближаться. Может, помнишь, у меня рука была сломана и всё лицо в синяках?

Я подскочила, присела на колени и, внимательно посмотрев Максиму в глаза, гневно спросила:

– Тебя избил Сергей? Ты же тогда говорил, что с велосипеда упал!

– А что я должен был говорить? Что меня до полусмерти избил тот, кто тебя девственности лишил. И избил за то, что

ты во время секса с ним моё имя шептала. Это я должен был тебе сказать?

– Я же всего этого не знала.

– И знать не должна была. Юль, пойми, я уже тогда понимал, почему ты шептала моё имя. Понимал. Но и слова Сергея, о том, что ты его, я тоже понимал. Он же видел в тебе свою будущую жену. Я волей-неволей отступился от тебя. Не хотел тебе портить жизнь и мешать делать правильный выбор. Думал, может, ты пока и сама не понимаешь, кто тебе нужен на самом деле. Ведь Сергей был категоричен – «Моя!» и всё тут.

– Но мы же, с Сергеем после того единственного раза не встречались долгие годы.

– Вы, может, и не встречались, а мы с ним после вашей первой близости часто дрались. Пойми, ты обломала ему весь кайф. Он не смог простить твои слова. И ещё долго вымещал на мне эту обиду. Хотя, возможно, я ему был нужен просто для оттачивания боевых навыков. Но одно точно, он сделал выбор за нас. Во всяком случае, за меня.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Я же уже тебе об этом сказал. Сергей под страхом смерти запретил мне к тебе приближаться.

– Но... мы же, с тобой...

– Теперь-то ты понимаешь, как сильно я тебя хотел?

– Не может этого быть.

– Может, Юль. Может. Я не знаю, нюх у Сергея такой, или

ему просто везло, но мы с ним очень часто сталкивались. Даже когда я смог давать достойный отпор, даже тогда он умудрялся меня избивать. Радовало то, что он никогда не применял оружие, и мы с ним бились один на один. Юль, ты только не думай, что всё это было из-за тебя. Мы тебя не делили. Просто у мальчиков иногда бывают вот такие идиотские игры. Сами придумываем себе правила игры, а потом заиграемся. И забываем из-за чего всё это началось.

– А ты не боишься, что Сергей вернётся... и ваша игра продолжится?

– Я не боюсь Сергея. И никогда не боялся. Поэтому и дрался.

– Почему же ты тогда мне об этом только сейчас говоришь?

– Вначале мне было неудобно об этом вообще говорить. Потом армия. Я женился. Ты вышла замуж за Сергея. Как он и хотел, ты стала его женой.

– Да. Стала его женой. Его. Но по ночам я вспоминала ту единственную ночь с тобой!

Толкнула Максима кулаком в грудь и опустила глаза. Слезы покатались по моим щекам. Максим подсел ближе и, обняв, стал меня успокаивать. Он гладил по спине и нашептывал:

– Милая моя, кто ж знал, что белое, окажется чёрным, а чёрное белым. Если б вернуть годы назад, я бы к той Ленке и близко бы не подошёл. Ты от ревности с Сергеем бы не

переспала. И всё бы у нас с тобой было хорошо. Может, тоже была бы куча детишек. И все бы нам завидовали.

Бережно он приподнял моё лицо, и все мои слёзки вытер тыльной стороной своей тёплой ладони.

– Я тебя никому не отдам. Пусть меня режут, бьют. Отныне ты только моя. И я от тебя не отступлюсь, потому что точно знаю, сделать тебя счастливой в этой жизни исключительно моя миссия.

Он медленно начал клонить меня вниз и, сгибая колосья, я опустилась на землю.

Поцелуи быстро переросли в страстные ласки, и вскоре моя одежда стала покидать моё тело.

– Максим, – оставляя царапины у него на спине, шептала я. – Это какое-то безумие.

– Мне тоже это очень нравится, – едва слышно прошептал он.

***

До базы отдыха «Мужской каприз» мы доехали только утром. Всю ночь кувыркались в поле. Благо в машине было найдено старое покрывало, и мы не застудились от земли.

Нам пришлось перегнать «Волгу» на обочину, чтобы не привлекать излишнее внимание водителей проезжающих машин.

А на базе мы почистили свою одежду, приняли душ и завалились с Максимом спать. Илья гостеприимно предоста-

вил нам в полное распоряжение свою палатку. И в то время, пока мы с Максимом отсыпались, обняв друг друга, Илья со своей подругой рыбачили с лодки, далеко отплыв от берега.

Вечером за ужином было много весёлых и добрых тостов, среди которых были и за нашу пару. Меня это смущало, но галантное поведение Максима не оставляло шансов у присутствующих усомниться в его планах на меня.

А ночью Максим повез меня домой. Он-то не пил.

В отличие от меня.

Буквально на руках он внёс меня в квартиру и, не включая свет, отнёс и уложил в постель. И уже в ней раздел, откинув мою одежду на пол. Разделся сам и лёг рядом. Я не сопротивлялась. Я за все годы разлуки хотела отлюбить его в самые кратчайшие сроки и позволяла ему пользоваться мной при любой возможности.

В конце концов, мы уже далеко не дети. Мы на самом пике сексуальных сил и потребностей.

Но так я думала ночью. Когда ощущала всю ласку мужского тела и поддавалась соблазну близких интимных отношений.

Однако наступило утро, а с ним и час расплаты.

– Максим, – шептала я, теребя его за плечо. – Максим...

– Доброе утро, – улыбнувшись, поприветствовал Максим, едва открыв глаза.

– Ты зачем меня к себе домой привёз?

– А куда же я должен был тебя привезти?

– Ко мне домой, – скрепя зубами, гневно шептала я. – Ко мне. Как я теперь выйду из твоей квартиры? Меня же твоя мама увидит, – испуганно посмотрела Максиму в глаза. – Что теперь будет? Как ей объяснить, что я делала в твоей комнате?

– Юль, – он всё ещё улыбается. – А то, что ты всю ночь издавала громкие эротические пылкие звуки, временами переходящие в томные стоны, тебя не смущает?

Ахнула. И, кажется, перестала даже дышать. Когда же дар речи вернулся ко мне, не выдержала и спросила у Максима:

– А чего ты улыбаешься?

– Юль, ты боишься моей мамы?

– Боюсь, – призналась я и натянула одеяло до самых плеч. – Мне будет стыдно, если она узнает что та, кто орала полночи, это я.

– А теперь представь, что сейчас в квартире не только моя мама, но и твои родители.

– Как... родители? А они зачем сюда пришли?

– Ну, это я так, к примеру.

– Дурацкий у тебя пример.

– И всё же представь на минуточку. Представила?

– Даже думать об этом не хочу.

– Напрасно. Представь, как они обрадуются, когда мы выйдем из спальни.

– С чего ты это взял?

– А ты думаешь, я просто так с твоим отцом на кухне во-

дочку с огурчиками злоупотреблял? Я же просил твоей руки у твоего отца. Что характерно, он одобрил мою кандидатуру. Так что, по крайней мере, один из наших родителей обрадуется нашим отношениям.

– Просил моей руки? – всё ещё не верила я.

– Твоей руки.

– Невероятно...

– И тем не менее. Отец дал согласие.

– А мамочки?

– Сейчас узнаем, – обняв меня, Максим громко крикнул в сторону двери. – Мам! Мам, зайди ко мне!

Я полезла под одеяло. И стала щипать Максима. При этом шептала:

– Замолчи. Замолчи.

– Что сынок? – войдя в комнату, спросила мама у Максима.

Я притаилась.

– Мам, – обратился к ней Максим, – Юлька боится тебя.

Со всей силы щипнула его за бок. Не помогло.

– Что с ней делать, не знаю, – продолжал он спрашивать у своей мамы.

Вылезти из-под одеяла у меня смелости не хватило. Зато хватило Максиму. Он опустил одеяло с моего лица. И я смущённо сказала:

– Здравствуйте, тётя Тома.

Она улыбалась мне, так же как и её сын.

– Можешь отныне меня называть мамой, – сказала она мне и шлёпнула Максима полотенцем по голове. – Жду вас на кухне.

И спокойно вышла из комнаты, прикрыв дверь.

– Ну, вот. А ты боялась, – прошептал мне ласково на ушко Максим. – Осталась только твоя мама.

– А я итак знаю, что она скажет, когда я спрошу её, устраиваешь ли ты её, как зять.

– И что это будут за слова? – заинтриговано спросил Максим.

– Так ведь, других-то нет! – скопировала я мамину интонацию.

Максим засмеялся и, переместившись на меня, уверенно сказал:

– И не будет. Теперь только я.

– Теперь только ты... – улыбнувшись, согласилась я, – Только ты...

***

«Максимальное сближение»

Kulema & Алекс Регул

/Апрель 2016 г./

